

В.А. Томсинов, зав. кафедрой истории государства и права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

**Прокурор СССР А.Я. Вышинский
и феномен «сталинских репрессий»:
итоговые размышления и выводы**

Опубликовано:

Законодательство. 2023.

№ 6. С. 73–81. **№ 7.** С. 87–94. **№ 8.** С. 81–89.

№ 9. С. 87–94. **№ 10.** С. 87–94. **№ 11.** С. 87–94.

1

Должность прокурора СССР А.Я. Вышинский исполнял всего четыре года и девяносто дней — с 3 марта 1935 года по 31 мая 1939 года, но работа на этом посту затмила собой все другие его государственные полномочия и обязанности, в том числе на более высоких постах. Выражение «прокурор СССР» приобрело прочную ассоциацию с личностью Вышинского.

Заняв пост заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР, Андрей Януарьевич стал контролировать сферы культуры, науки и образования, но одновременно в его ведении оказался также сектор административно-судебных учреждений и НКВД. Вскоре он начал исполнять поручения Сталина и в сфере внешней политики, а 6 сентября 1940 года был назначен первым заместителем наркома иностранных дел. С этого времени и до конца жизни дипломатия стала для Вышинского главной сферой государственной деятельности. Однако по своему мышлению и поведению он и здесь в определенной степени остался прокурором-обвинителем. По свидетельству Сергея Берии, его отец Лаврентий Павлович никогда не считал Вышинского дипломатом и называл его «помесью дипломата с прокурором»¹. Советский дипломат В.Л. Исраэлян, начавший свою службу в системе Министерства иностранных дел СССР в 1946 году, характеризуя дипломатию Вышинского, также назвал ее «прокурорской»².

Выступления бывшего прокурора СССР на внешнеполитическом поприще действительно напоминали прокурорские речи: Андрей Януарьевич

---

¹ Берия С.Л. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994. С. 115.

² Исраэлян В.Л. Дипломаты лицом к лицу. М., 1990. С. 184.

предпочитал не оправдываться перед Западом, как это делают почти всегда наши современные дипломаты, а обвинять — оправдываться же были вынуждены дипломаты западных стран, прежде всего США и Великобритании.

Прокурорство заметно повлияло и на научное творчество Вышинского. Это отчетливо проявлялось в тех случаях, когда он в статьях или докладах на конференциях обрушивал на других ученых-правоведов злую и беспощадную критику. Нельзя не признать, что его критика чаще всего была вполне обоснованной и даже полезной, но ее стиль, ее форма несколько не соответствовали характеру научной дискуссии и были похожи на речи обвинителей в суде.

Подобные факты показывают, что профессия прокурора-обвинителя во многом сформировала Вышинского, повлияла на его человеческую сущность. Понятие «прокурор СССР» обозначало уже больше, чем просто должность Андрея Януарьевича.

Главными событиями в прокурорской деятельности Вышинского являлись его выступления на открытых московских судебных процессах 1936–1938 годов над видными большевистскими партийными и государственными деятелями. Обвинительные речи прокурора СССР, произнесенные во время этих процессов, можно было прочитать во всех центральных и даже некоторых местных газетах, а затем они были опубликованы в составе изданных отдельными книгами стенограмм данных процессов. Андрей Януарьевич включил их в сборник своих судебных речей, который был напечатан четырьмя изданиями с 1938 по 1955 год. Неудивительно, что именно по этим обвинительным речам и оценивается, как правило, деятельность Вышинского на посту прокурора СССР. При этом не принимается во внимание тот факт, что произносились они в рамках судебных процессов особого характера, существенно отличающихся от обыкновенных судебных процессов.

Открытые московские процессы по делам «троцкистско-зиновьевского террористического центра» (19–24 августа 1936 г.), «антисоветского троцкистского центра» (23–30 января 1937 г.) и «антисоветского право-троцкистского блока» (2–13 марта 1938 г.) в первую очередь были призваны сокрушить реальную и потенциальную оппозицию тому варианту Советского государства, который создавался Сталиным и его соратниками, а вожди оппозиции должны были предстать в глазах граждан шайкой уголовных преступников. В

то же время этим процессам придавалось и воспитательное значение: советским людям внушалось, что измена родине, сотрудничество с врагами нашей страны, шпионаж, вредительство, диверсии являются не просто уголовными преступлениями, а проявлениями полной деградации человеческой личности.

Государственный обвинитель в такого рода процессах должен был не только понимать юридические тонкости уголовного и уголовно-процессуального права, уметь применять юридическую логику к конкретным ситуациям, но и владеть ораторским искусством, знать, как своей обвинительной речью вызвать у публики ненависть и презрение к подсудимым.

Вышинский как никто другой подходил на роль подобного обвинителя-оратора. Не исключено, что Сталин, выдвигая его на пост прокурора СССР, изначально планировал проведение открытых судебных процессов над большевистскими вождями. В таком случае меньшевистское прошлое Вышинского, которое ему ставилось в вину — как открыто, в лицо, так и втайне, в доносах, — являлось в глазах Сталина совсем не пороком, а великим достоинством, дополнявшим те юридические знания и ораторские навыки, которыми он отличался.

Есть все основания считать, что, нападая в своих обвинительных речах в самых резких выражениях на оппозиционных большевистских партийных и государственных деятелей, оказавшихся на скамье подсудимых, Андрей Януарьевич угождал не только Сталину, но прежде всего самому себе. При этом он был убежден, что действует во благо страны, способствует укреплению Советского государства.

Политическое и идеологическое предназначение открытых московских судебных процессов 1936–1938 годов заставляло Вышинского выступать на их заседаниях скорее в качестве **политика-обличителя**, нежели прокурора-обвинителя. Правовое содержание своих выступлений, юридическую аргументацию он подчинял политическим и идеологическим целям. Но это не означало, что прокурор СССР являлся всего лишь инструментом в распоряжении Сталина — «сталинским прокурором» или «карающей десницей вождя». Исходные стенографические записи, отразившие как содержание, так и стиль выступлений Вышинского на открытых судебных процессах, показывают, что он был абсолютно искренним в своих

обвинительных речах. Его выпады против обвиняемых, в ряде случаев принимавшие весьма грубую форму, выражали подлинные его чувства и настроения. Все подсудимые, независимо от степени доказанности их вины, особенно высокопоставленные большевистские партийные и государственные деятели, действительно воспринимались им как враги народа. Стремление Вышинского унижить, растоптать, уничтожить их не было навязано ему какими-либо приказами или рекомендациями извне, а шло изнутри него.

Именно поэтому, занимаясь по поручению Сталина юридической подготовкой открытых судебных процессов, Вышинский работал, не жалея сил, был в высшей степени инициативным и энергичным. Он разрабатывал сценарии ведения процессов судьями, устанавливал очередность допросов подсудимых в зале суда, тщательно изучал протоколы допросов обвиняемых следователями НКВД и сам допрашивал будущих подсудимых перед началом судебных заседаний.

Обвинительные речи на открытых судебных процессах Вышинский всегда завершал эмоциональными восклицаниями, которые не оставляли у публики никаких сомнений в том, какой приговор будет вынесен судьями:

*«Взбесившихся собак я требую расстрелять – всех до одного!»*³, – заявлял он в августе 1936 года на процессе Зиновьева, Каменева и других. *«Я обвиняю вместе со всем нашим народом, обвиняю тяжчайших преступников, достойных одной только меры наказания – расстрела, смерти!»*⁴, – негодовал прокурор СССР в январе 1937 года на процессе Пятакова, Радека, Сокольников и других. В марте 1938 года на процессе Бухарина, Рыкова, Ягоды Вышинский убежденно говорил: *«Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продававших врагу нашу родину, расстрелять, как поганых псов!»*⁵.

Любопытно, что подчиненных ему прокурорских работников Вышинский призывал быть беспристрастными во время выступления в судах с обвинительными речами. В докладе на всесоюзном прокурорском совещании,

³ Речь государственного обвинителя прокурора СССР тов. А.Я. Вышинского. Вечернее заседание 21 августа 1936 г. // Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра. СПб., 2018. С. 212.

⁴ Речь государственного обвинителя прокурора Союза ССР тов. Вышинского. 28 января 1937 г. // Процесс антисоветского троцкистского центра (23 – 30 января 1937 года). М., 1937. С. 214.

⁵ Стенограмма открытого судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР по делу «Антисоветского право-троцкистского блока». 2-13 марта 1938 г. // Процесс Бухарина. 1938 г.: Сборник документов. М., 2013. С. 638.

произнесенном 21 мая 1938 года, он предлагал «подумать, что означают слова замечательного судебного деятеля, хотя и представлявшего чужой и враждебный нам класс, — известного Кони, назвавшего прокурора говорящим судьей». «Это — очень глубокое замечание, заслуживающее того, чтобы его правильно усвоить, — утверждал Вышинский. — Оно означает: будучи обвинителем и ведя горячую борьбу со своим противником, умей сохранить всю беспристрастность судьи, всю объективность судьи, все нелицеприятие представителя правосудия, умей это сделать так, чтобы каждый, взирающий на тебя, па твою тяжелую ответственную работу, как государственного обвинителя, проникся уважением к тебе, даже если он не согласен с твоей обвинительной позицией»⁶.

Открытый судебный процесс над большевистскими вождями Вышинский явно считал феноменом особого характера, для которого беспристрастность государственного обвинителя не является обязательным требованием.

Прокурор СССР Вышинский учил работников прокуратуры: «Нельзя забывать, что прокурор есть представитель государственной власти. Это ко многому обязывает. Это обязывает раньше всего к тому, чтобы все поведение прокурора было направлено на поддержание авторитета и достоинства суда, достоинства государства. Прокурор должен вести себя на суде как настоящий большевик, лучшим украшением которого, как учит нас партия, является скромность. Прокурор всем своим поведением, характером вопросов, задаваемых подсудимому, обращением к суду, обращением к защите, должен показать, что он уважает закон и предоставленные законом права каждого участника процесса»⁷.

При этом сам Вышинский, допрашивая подсудимых на открытых для публики заседаниях судебных процессов, поступал с ними довольно бесцеремонно: не упускал случая продемонстрировать свое неуважение к ним, а иногда и самое настоящее презрение, резко обрывал их речи (правда, чаще всего лишь в том случае, если они пытались уклониться от конкретного ответа на поставленные им вопросы), заставлял подсудимых каяться, называть себя не

---

⁶ Всесоюзное прокурорское совещание. Доклад т. А.Я. Вышинского. 21 мая 1938 г. // Социалистическая законность. 1938. № 6. С. 12.

⁷ Там же. С. 11.

политической оппозицией, а преступниками, бандитами⁸ — одним словом, вел себя совсем не так, как требовал от других прокуроров.

Поведение Вышинского как государственного обвинителя во время открытых судебных процессах над большевистскими государственными и партийными деятелями не соответствовало им же самим сформулированным принципам прокурорской этики, но он и не заботился о том, чтобы соблюдать данные принципы, а как будто специально и даже демонстративно их нарушал.

Однако участие Вышинского в этих процессах составляло только одну сторону его прокурорской практики. Другая ее сторона — деятельность на посту руководителя прокуратуры СССР, довольно широкая по объему и весьма интенсивная по содержанию, — показывает иного Вышинского — не прокурора-обвинителя, а скорее, прокурора-защитника.

Прокурорский надзор за законностью не был отменен в период проведения органами НКВД массовых репрессивных операций, хотя полномочия работников прокуратуры, да и их возможности осуществлять такой надзор были значительно ограничены. В тексте новой Конституции СССР слово «закон» выступало одним из самых важных и чаще всего употребляемых. Термин «законность» был освобожден от обесмысливавшей его приставки «революционная» — ее заменили на определение «социалистическая». Официальный печатный орган прокуратуры СССР назывался «Социалистическая законность»⁹, что подчеркивало главное предназначение этого государственного органа — защиту закона. Сохранилось множество документов, свидетельствующих о том, что прокурор СССР А.Я. Вышинский и в разгар массовых репрессий продолжал обращаться к руководству ВКП (б) и председателю СНК СССР с протестами на нарушение законов теми или иными государственными органами и должностными лицами. Причем делал это регулярно, и чаще всего его протесты были реакцией на нарушение законов в отношении простых людей — рабочих, колхозников, служащих, студентов и т.д. При этом Андрей Януарьевич

---

⁸ Так было, например, при допросе Х.Г. Раковского. См.: *Томсинов В.А.* Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954): государственный деятель и правовед. Статья сорок восьмая. Процесс Бухарина (2–13 марта 1938 г.). Продолжение // *Законодательство*. 2021. № 7. С. 85.

⁹ До десятого номера 1935 г. этот журнал носил название «За социалистическую законность». По должности его ответственным редактором изначально являлся прокурор СССР.

требовал и от подчиненных ему прокурорских работников решительно защищать права пострадавших.

Так, в докладе на собрании актива прокуратуры СССР, РСФСР, Москвы и Московской области 28 января 1938 года Вышинский сообщил, что три дня тому назад в прокуратуру Союза ССР были вызваны следователь и прокурор из Курска, которым, по его словам, «ничего не стоило привлечь учительницу с 27-летним стажем по ст. 53-10 за то, что она при незаконном вселении к ней кого-то в квартиру якобы допустила антисоветское выражение». Андрей Януарьевич поинтересовался у следователя и прокурора, узнали ли они предварительно, что представляет собою учительница Белякова, у директора школы, у ее товарищей по школе, спросили ли у родителей учащихся, как она воспитывает детей, «советский она человек или не советский». Оказалось, «ничего этого сделано не было. Сразу поверили человеку, который заинтересован в склоке, состряпали дело по 58-10 и держали под арестом учительницу 10 дней, пока прокуратура Союза не вмешалась в это дело»¹⁰.

Ряд конкретных случаев, когда прокуроры должны были принести протесты, но устранились от выполнения своих обязанностей, Вышинский привел в докладе, произнесенном 21 мая 1938 года на Всесоюзном прокурорском совещании. «Вот другое дело (уже в Краснодаре), — сказал он. — Башмакова осуждена по ст. 58-10 за то, что “передала по месту работы клеветнические слухи в отношении депутата, услышанные от неизвестных ей лиц”. Вы только вдумайтесь в формулировку приговора: “...передала услышанные ею от неизвестных лиц слухи...”. Что представляет собой осужденная? Ей 62 года, неграмотная, с 4 детьми, гардеробщица. За такие приговоры должны будут отвечать прокуроры, не опротестовывающие подобных приговоров»¹¹.

Выступая 28 января 1938 года на собрании актива работников прокуратур СССР, РСФСР, Москвы и Московской области, Вышинский говорил: «Основным недостатком наших прокурорских органов является как раз то, что мы либо огулом, без меры и счета, как кому вздумается, привлекаем к ответственности независимо от того, имеются ли достаточные основания или этих оснований для привлечения недостаточно, либо также огулом, без меры к

¹⁰ О некоторых недостатках в работе прокуратуры и мерах по их устранению. Доклад тов. А.Я. Вышинского. 28 января 1938 г. // Социалистическая законность. 1938. № 3. С. 124.

¹¹ Всесоюзное прокурорское совещание. Доклад т. А.Я. Вышинского. 21 мая 1938 г. // Там же. № 6. С. 10.

ответственности не привлекаем»¹². Хорошо зная, какие настроения доминируют в прокурорской среде, Андрей Януарьевич не ограничился общими призывами, а постарался развеять свойственные профессиональным борцам с преступностью мифы логикой простых рассуждений: «У нас до сих пор еще существует предрассудок, который является пережитком старой, дореволюционной юстиции, будто неизбежно какое-то количество случаев, когда привлекаются к ответственности о недоразумению, без достаточных оснований. Это своеобразная “предельческая теория” в нашей прокурорской работе, означающая, что для справедливости, для основательности привлечения к ответственности есть какой-то предел, за которым некоторое количество людей должно обязательно привлекаться к ответственности необоснованно. Конечно, мы знаем, что очень трудно добиться такого положения вещей, когда бы все сто процентов привлекаемых к ответственности были бы обязательно виноваты, когда в прокурорской практике не было бы вовсе ошибок. Но было бы глубоко ошибочно сделать из этого вывод, что можно мириться с фактом привлечения какого-то количества людей к ответственности без достаточных оснований. Я думаю, что по таким настроениям, по подобного рода взглядам нужно открыть самый ожесточенный и сокрушительный огонь»¹³.

Показывая деятельность прокуратуры в конкретных цифрах, прокурор СССР сообщил в своем докладе, что за первый квартал 1937 года по стране в целом прекращено расследованных следователями 19,7% уголовных дел, а по городу Москве — 25%. Причем большинство следователей, отметил руководитель советской прокуратуры, прекратило дела по причине отсутствия в действиях, приписываемых обвиняемым, состава преступления. В первом квартале 1937 года всех прекращенных дел, находившихся в производстве у следователей, за отсутствием состава преступления было прекращено 51,3%; во втором — 49,6%. На основании недостаточности улик в первом квартале 1937 года было прекращено 35,8% всех прекращенных дел, во втором — 36,5%; в третьем квартале 1937 года — 36,3%.¹⁴

Как известно, в третьем квартале 1937 года массовые репрессивные операции, проводившиеся органами внутренних дел, развернулись по всей

---

¹² О некоторых недостатках в работе прокуратуры и мерах по их устранению. Доклад тов. А.Я. Вышинского. 28 января 1938 г. С. 122.

¹³ Там же. С. 123.

¹⁴ Там же.

стране и во весь свой масштаб. Именно поэтому количество уголовных дел, прекращенных в этот период за отсутствием состава преступления и за недостаточностью улик оказалось самым большим – 84,5% всех дел, находившихся в производстве у следователей.

Кроме того, Вышинский сообщил собравшимся 28 января 1938 года руководящим работникам прокуратур СССР, РСФСР, Москвы и Московской области, что специальная группа прокуроров и судей проверяла правильность возбуждения уголовных дел в Курской области. В результате выяснилось, что 40% дел, заведенных в 1936 году против сельских активистов, было возбуждено неправильно и эти дела были прекращены¹⁵. По мнению, прокурора СССР при такой же проверке в других местностях эти итоги будут, без сомнения, «примерно такими же, как по Курской области»¹⁶.

Прокуратура СССР была центром, в который стекались сведения об уголовных делах и судебных приговорах со всей страны, и собранная информация позволяла сделать важные выводы. Каток массовых репрессий безжалостно утюжил страну не только потому, что был запущен с вершин власти, но и потому, что на местах было много тех, кто толкал его, не давая остановиться и сбрасывая под этот каток под разными предлогами все новые и новые жертвы. Вышинский, кажется, хорошо понимал, что в реальности происходило под вывеской репрессивных операций. Прямо сказать об этом было невозможно, но он приводил факты, которые яснее ясного показывали истинное состояние правоохранительных органов.

В Ленинградской области, сообщал прокурор СССР активу прокуратуры, сторож колхоза был осужден по ст. 111 УК к году принудительных работ за то, что «во время его дежурства погибла корова от преждевременного отела»¹⁷. В той же области молодая колхозница привязала во время обеденного перерыва лошадь к забору. Лошадь, отбиваясь от мух и комаров, запуталась в веревке и удушилась. Колхозница осуждена к 6 месяцам исправительно-трудовых работ «ввиду отсутствия у нее жизненного опыта»¹⁸. Услышав смех в зале, Вышинский пояснил: «Но, если говорить об отсутствии жизненного опыта, то

---

¹⁵ Там же. С. 124.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Статья 111 действовавшего в то время УК РСФСР 1926 г. предусматривала лишение свободы на срок до 3-х лет за «бездействие власти, т.е. невыполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнять».

¹⁸ Там же.

нужно было раньше всего отнести это к лошади, которая очевидно, “ввиду отсутствия жизненного опыта” запуталась в веревке». Зал ответил хохотом. «В Киргизской ССР, — продолжил прокурор СССР, — колхозник осужден к 4 годам лишения свободы за хищение 4 кг зерна... “из норы суслика”; то есть суслик воровал с поля, а этот колхозник у суслика украл»¹⁹.

Но особенно отличилась в этом отношении, по словам Вышинского, Курская область. Здесь было создано такое, например, дело: «На группу колхозников напал бык, который, как говорится в документах, обычно бросался па людей. Странный характер, конечно, у быка, но, во всяком случае, это не зависело от колхозников. Колхозники стали его гнать кнутом и хворостиной, причем быку никакого ущерба причинено не было, но (как сказано в приговоре) бык этот назавтра отказался покрывать коров, будучи, видимо, в растрепанных чувствах. Поэтому колхозников приговорили по статье 79-1 к 3 месяцам исправительно-трудовых работ каждого»²⁰.

Еще один случай, поразивший Вышинского, был связан с применением статьи о хулиганстве. Согласно статье 74 УК РСФСР, хулиганство — это «озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу действия». Вторая часть данной статьи, введенная в кодекс 10 мая 1935 года, устанавливала наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет в случае, когда хулиганские действия заключались «в буйстве или бесчинстве, или совершены повторно, или упорно не прекращались, несмотря на предупреждение органов, охраняющих общественный порядок, или же по своему содержанию отличались исключительным цинизмом или дерзостью». Именно по этой части статьи 74 были осуждены два колхозника «за то, что, будучи в нетрезвом виде и выступая на собрании, говорили не по существу»²¹. Этот приговор, как и другие столь же несуразные решения, был отменен благодаря вмешательству органов прокуратуры.

Вышинский приводил на прокурорских совещаниях много подобных фактов. Обобщив их, нельзя было не прийти к очень печальным выводам.

---

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Статья 79-1 действовавшего тогда УК РСФСР, внесенная 20 января 1930 г., предусматривала наказание в виде лишения свободы «на срок до двух лет с высылкой из данной местности или без таковой» за «хищнический убой и умышленное изувечение скота, а также подстрекательство к этому других лиц с целью подрыва коллективизации сельского хозяйства и воспрепятствования его подъему».

²¹ Там же.

Волна массовых репрессивных операций подняла из глубин общества на поверхность немало людей, не обладавших ни здравым смыслом, ни совестью, ни чувством сострадания к себе подобным — ничем, что составляет внутренний регулятор человеческого поведения, что позволяет людям в любой обстановке, при любых условиях сохранять в себе человечность. И именно этим существам, которых трудно называть людьми, политика массовых репрессий дала огромную власть над своими односельчанами, согражданами, соотечественниками, предоставив возможность решать, жить им или не жить.

Вряд ли чрезвычайный трагизм сложившейся в 1937–1938 годах в советском обществе ситуации, не сознавал здравомыслящий, мудрый и проницательный Вышинский. Вряд ли он не понимал, что до тех пор, пока в стране господствует идеология, ориентирующая граждан на поиск врагов народа, пока органы внутренних дел фактически бесконтрольны в своей деятельности, преступлениями будут признаваться проступки и даже типичные человеческие поступки, а преступниками — обычные люди, не совершившие никаких злодеяний. Вряд ли не было ему очевидно, что в какой-то момент он и сам вполне может быть втянут в воронку репрессий.

И тем не менее нельзя не признать: Вышинский поддержал репрессивную политику руководства ВКП (б) и Советского государства и способствовал ее проведению. Прежде всего его роль заключалась в том, что он придал осуществлению репрессий соответствующие юридические формы. Он разработал целый ряд правовых доктрин, позволявших подвергнуть большевистских партийных и государственных деятелей уголовному преследованию и приговорить их к расстрелу. Так, он предложил новое понимание виновности в уголовном преступлении, новую доктрину соучастия в преступлении, совершаемом организованной преступной группировкой, новую теорию судебных доказательств применительно к уголовным делам о заговоре и т. д.²²

Содействуя проводившейся в Советском государстве в 1937–1938 годах репрессивной политике, Вышинский поступал так, скорее всего, не из-за страха, хотя, конечно, страх быть репрессированным постоянно жил в нем. Но

---

²² О разработке этих доктрин см.: *Томсинов В.А.* Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954): государственный деятель и правовед. Статья 64. Формирование теоретических основ советского правоведения // Законодательство. 2022. № 11. С. 87–94. *Томсинов В.А.* Указ. соч. Статья 65. Формирование теоретических основ советского правоведения. Окончание. № 12. С. 79–96.

ведь и Сталин боялся оказаться в числе репрессированных. Местные партийные секретари, объединившись на Пленуме ЦК, вполне могли удалить Сталина из руководства ВКП (б) и передать его дело и тело следователям НКВД, а затем в Военную коллегия Верховного суда СССР. Еще больше Сталин опасался заговора — он не мог не сознавать, что в случае успеха заговора его скорей всего просто убьют, казнят без каких-либо юридических церемоний.

Вышинский поддержал репрессивную политику Сталина прежде всего потому, что был убежден в ее необходимости и благотворности для Советского государства, несмотря на серьезные издержки этой политики для советского общества или какие-то ее непредсказуемые отрицательные последствия.

Занимая должность прокурора СССР, Вышинский являлся в большей мере **дополнением** Сталина, чем его **инструментом**, так как имел такие качества, знания и способности, которыми Иосиф Виссарионович не обладал и приобрести которые не мог.

Настоящий статус А.Я. Вышинского в группировке, властвовавшей в Советском государстве с середины 1930-х годов, далеко выходил за рамки его прокурорской должности. Более того, он превосходил статус К.Е. Ворошилова, А.А. Жданова, Л.М. Кагановича, В.М. Молотова. У этих большевистских деятелей, считавшихся самыми близкими, верными и вечными соратниками вождя, не было личностных свойств, каких Сталин не имел бы в значительно большей степени. А у Вышинского они были. Причем способности, умения, знания, которыми отличался Андрей Януарьевич, оказались в тех условиях необходимыми для более эффективного осуществления Сталиным функций вождя.

Государственные деятели стран Запада и некоторые просто внимательные наблюдатели за событиями, происходившими в Советском Союзе, стали догадываться о подлинной роли Вышинского в окружении Сталина только после Великой Отечественной войны, когда познакомились с бывшим прокурором СССР и с обширным кругом его государственных дел.

Советская государственность первых десятилетий своего существования отличалась от всех других типов, разновидностей и форм государственности. Одна из самых необычных ее особенностей заключалась в способе легитимизации носителей верховной государственной власти. Данной власти придавалась роль орудия для построения более совершенного общества на

основе научной теории. Поэтому изначально предполагалось, что возглавлять Советское государство должны люди, наделенные незаурядным умом, обладающие высокой образованностью и способные к творческой литературной деятельности. Это представление о легитимности власти большевистского вождя нигде в письменном виде не выражалось. Оно лишь подразумевалось, но от этого не становилось эфемерным²³.

В.И. Ленин, а также другие большевистские вожди (И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Н.И. Бухарин) действительно старались соответствовать этим негласным требованиям легитимности. Они регулярно выступали на партийных форумах с изложением своих теоретических идей и с аналитическими оценками на их основе обстановки, сложившейся в стране и на международной арене, читали лекции, писали статьи, книги, издавали собрания своих сочинений. Ленин был среди большевиков самым крупным и авторитетным интеллектуалом — закономерно, что он именно он стал первым большевистским вождем. Троцкий считал себя вторым в большевистской партии по интеллектуальному уровню, и, скорей всего, именно поэтому после ухода Ленина из жизни, Лев Давидович не стал активно бороться за пост вождя — он как будто был уверен, что большевики отдадут ему этот пост без всяких усилий с его стороны. Но неожиданно для многих первенство в большевистской партийной иерархии получил Сталин, которого Троцкий однажды определил довольно едкой фразой: «Наиболее выдающаяся посредственность нашей партии».

Возвышение Сталина в большевистской партии часто связывается с его назначением на должность генерального секретаря ЦК ВКП (б). Данный пост официально был учрежден в начале апреля 1922 года, и в то время не предполагалось, что назначенное на него лицо будет определять политику большевистской партии. На самом деле не должность генерального секретаря возвысила Сталина — наоборот, это Сталин придал данной должности повышенное партийное и государственное значение.

---

²³ Данное воззрение на легитимность советского вождя сохранилось до времен, когда Генеральным секретарем ЦК КПСС являлся Л.И. Брежнев. Чтобы придать Леониду Ильичу соответствующий авторитет, во второй половине 1970-х гг. его решили представить советскому народу выдающимся писателем. Были изготовлены и опубликованы под авторством Л.И. Брежнева три книги воспоминаний «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». В апреле 1980 г. «автор» был удостоен за эту трилогию Ленинской премии по литературе, т.е. стал легитимным большевистским вождем.

В основе возвышения Сталина лежали не только его незаурядные административно-организаторские таланты, но и способность стратегически мыслить, выбирать путь развития советского общества и Советского государства, соответствовавший реальной обстановке. Эти дарования могли принести результат лишь в том случае, если они дополнялись умением подбирать людей, способных эффективно решать сложнейшие задачи, стоящие перед страной.

Сталин часто ошибался в своей кадровой политике, выдвигая на высокие государственные должности тех, кто приносил Советскому государству и самому ему только вред. Но выбор Сталиным Вышинского оказался в высшей степени удачным. Вряд ли кто другой мог во второй половине 1930-х годов выступать в качестве прокурора СССР и главного государственного обвинителя так искусно, как это удавалось Вышинскому. А ведь это была не единственная и не самая важная его роль в политике советского вождя...

2

Высшие должностные лица Советского государства периода массовых репрессий воплощали собой уникальный тип государственного деятеля.

Они называли себя строителями нового мира, но строили так будто воевали, и тем самым превращали стройку в поле сражений со своими соотечественниками.

Они были облечены почти безграничной властью, позволявшей в чрезвычайно сильной степени влиять на жизнь общества и по своему усмотрению определять судьбы множества людей, но сами являлись абсолютно беззащитными перед произволом партийного руководства и НКВД. Любой из них, независимо от занимаемого партийного или государственного поста, мог подвергнуться аресту и предать суду не только за реальные преступления, но и за те, которые он в действительности никогда не совершал.

Они не стеснялись использовать любые возможности и средства для того, чтобы занять более высокое положение в партийной и государственной иерархии, но их возвышение часто оказывалось восхождением на эшафот.

Они были безжалостны по отношению к тем, кем управляли, и легко становились палачами, но их тоже не жалели и могли столь же легко превратить в жертв и подвергнуть самым жестоким моральным издевательствам и физическим истязаниям.

Они отличались склонностью объяснять все общественные неурядицы происками врагов и приписывать своим соперникам или тем, кто просто в чем-то не был согласен с ними, враждебные намерения. Но их тоже вполне могли без каких-либо серьезных оснований объявить врагами. На них так же, как и на рядовых советских граждан, писали доносы, против них давали показания, содержавшие обвинения в антигосударственных преступлениях, в соотрудничестве и даже близких отношениях с врагами народа²⁴, в тайной поддержке оппозиционных группировок правых или левых, бухаринцев или троцкистов²⁵ и т.д.

---

²⁴ В начале января 1939 г. Сталин передал зав. отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкову анонимное письмо и заявления, в которых Георгий Максимилианович обвинялся в тесных связях с врагами народа и в покровительстве им. В анонимке, адресованной Сталину, в частности, утверждалось: «В нашей стране под Вашим руководством с помощью НКВД и ее руководителя тов. Ежова идет разоблачение и очищение от врагов народа троцкистско-бухаринско-фашистских шпионов. По нашим организациям проверяются и исключаются большое количество людей, которые были связаны в той или иной форме с врагами народа. В ЦК ВКП (б) на ответственной работе находится Маленков, который был крепко связан с врагом народа, ныне арестованной НКВД — гражданкой Глан (быв[ший] директор Парка Культуры и Отдыха им. Горького). Несмотря на то, что Маленков женат, он открыто жил с Глан, появлялся с ней в разных местах и выдавал ее за свою жену. Это известно многим в Москве. Эта близкая связь Маленкова с врагом народа является, с одной стороны, вопросом, который, не взирая на лица, надо расследовать, а с другой стороны, его нельзя оставить работать в ЦК» (Анонимное письмо И.В. Сталину о связи Г.М. Маленкова с «врагом народа» Б.Н. Глан // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 196. Л. 40). Копия данного письма была послана также наркому внутренних дел Ежову. 9 января 1939 г. Маленков направил Сталину собственноручное письмо, в котором постарался опровергнуть эти обвинения. «Анонимка клеветническая, — заявил он. — Ничего подобного, что пишется в анонимке, не было. Это очевидно можно доказать проверкой через органы НКВД. О своих отношениях с Глан в ответ на Ваш вопрос я устно докладывал. Порвал с ней всякие отношения несколько лет назад» (РГАСПИ. Ф.558. Оп. 11. Д. 196. Л. 70).

²⁵ Так, член Политбюро секретарь ЦК ВКП (б) А.А. Андреев обвинялся в связях с троцкистами. 31 октября 1937 г. бывший нарком коммунального хозяйства РСФСР Н.П. Комаров написал заявление на имя наркома внутренних дел СССР Ежова, в котором сообщил, что Андреев, работая секретарем Северо-Кавказского краевого комитета партии (в 1928–1930 гг.), «окружил себя зиновьевцами (далее перечислялись фамилии) и троцкистами (далее указывались фамилии)», что троцкист М.Ф. Левитин, занимавший должность зам. Наркома пищевой промышленности СССР (в 1934–1937 гг.), «до самого последнего времени всегда бывал по выходным дням у Андреева на даче в Архангельском, гуляя с ним почти всегда вдвоем» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 196. Л. 145). В принадлежности к троцкистам обвинялся и Н.С. Хрущев, занимавший в 1937 г. посты первого секретаря Московского городского и областного комитета партии. Троцкист А.К. Лохмачев на допросе в НКВД 4 апреля 1937 г. дал в отношении него порочившие показания, рассказав о том, что в конце

Советская бюрократия второй половины 1930-х годов состояла из людей, обреченных на тяжелую судьбу. Их государственная деятельность осуществлялась в чрезвычайных обстоятельствах и была отягощена множеством забот, не свойственных тому высокому общественному статусу, которым они обладали. Самой сложной в их положении являлась задача сохранить свою жизнь...

Вышинский занимал особое место в советском правящем слое и являлся важнейшим, а потому весьма заметным его представителем. Но и он был вынужден постоянно думать о своем спасении. Катов репрессий, катившийся по стране, в том числе и при его содействии — пассивном или активном — вполне мог пройти и по нему, раздавить его не только морально, но и физически. Андрей Януарьевич не мог не понимать, что вероятность такого исхода была довольно высокой, и потому старался не допускать роковых ошибок, был очень скрытным и вел себя на службе предельно осторожно.

Наибольшую опасность для него, как, впрочем, и для многих других высокопоставленных должностных лиц, представлял Наркомат внутренних дел СССР. Допросы работников наркомата внутренних дел, арестованных в ноябре и декабре 1938 года, обнаружили, что в течение 1937–1938 годов в этом ведомстве целенаправленно собирались сведения порочащего характера об ответственных работниках партийного и государственного аппарата, причем и тех, кто занимал высшие посты.

В мае 1939 года И.И. Шапиро, бывший начальник 1-го спецотдела НКВД, предназначенного для систематического ведения учета, регистрации и статистики преступлений, сообщил на допросе, что «Ежовым подбирался компромат (в большинстве своем провокационный) на отдельных

1923 г., «в период троцкистского наступления против партии», по его точным сведениям, Н.С. Хрущев «примыкал к троцкистской оппозиции» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 196. Л. 155, 156об). О приверженности Хрущева к троцкизму сообщал и хорошо его знавший бывший нарком земледелия УССР К.В. Моисеенко. В заявлении наркому внутренних дел Украины Леплевскому, датированном 29 июля 1937 г., Константин Васильевич, пребывавший в то время под арестом, утверждал, что в 1923–1924 гг., «во время, когда партия большевиков вела борьбу с троцкистами, нынешний секретарь Московского комитета партии большевиков Хрущев Никита Сергеевич был в троцкистской оппозиции, активно выступая в защиту троцкистов на городском собрании в Юзовке» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 196. Л. 160). Любопытно, что Левитин, Лохмачев и Моисеенко (так же, как и Леплевский) были осуждены и расстреляны. На судьбе Андреева и Хрущева их заявления никак не отразились, но очевидно, что если бы встал вопрос об их устранении, то все обвинения, которые в разное время против них выдвигались, были бы пущены в ход.

руководящих работников. Такой материал он хранил лично у себя в сейфе, ключ от которого находился у него»²⁶, поэтому И.И. Шапиро не имел доступа к указанным сведениям.

Документы показывают, что в действительности компромат собирался не на отдельных советских партийных и государственных руководителей, а на весьма значительную их группу. 27 ноября 1938 года Н.И. Ежов, сдававший дела НКВД новому наркому – Л.П. Берии, направил секретарю ЦК ВКП (б) Сталину материалы, собранные на Маленкова Г.М., Поскребышева А.Н., Вышинского А.Я., Андреева А.А. и Хрущева Н.С.²⁷

Шесть дней спустя, 3 декабря 1938 года, бывший нарком внутренних дел переслал в ЦК ВКП (б) свою записку на 36 листах с общей характеристикой материалов секретариата НКВД на ряд ответственных работников, в том числе на Вышинского²⁸. В этой записке Ежов привел обширный, на 11 листах, список лиц, на которых в секретариате НКВД имелись материалы, в основном порочащего характера²⁹. Перечень был составлен 5 ноября 1938 года и включал в себя 104 фамилии³⁰. Приведя их, Ежов заметил: «Были материалы на большее количество людей»³¹ и назвал для примера еще около 20 фамилий.

Далее он привел текст поданной на его имя 2 декабря 1938 года докладной записки сотрудника 1-го спецотдела Новикова. В августе 1938 года ему было поручено систематизировать собранные в НКВД материалы на советских партийных и государственных деятелей, разбив их на две части: «В первую часть отложить материалы на лиц, которые еще не арестованы... Во вторую часть отобрать материалы на лиц, которые уже арестованы»³². В начале

²⁶ Из собственноручных показаний И. И. Шапиро. 18–19 мая 1939 г. // Дугин А.Н. Тайны архивов НКВД СССР: 1937–1938 (взгляд изнутри). М., 2020. С. 112.

²⁷ В сопроводительной записке Н.И. Ежова к этим материалам были указаны только имена Маленкова, Поскребышева и Вышинского. См.: Записка Н.И. Ежова И.В. Сталину о направлении материалов на Г.М. Маленкова, А.Н. Поскребышева и А.Я. Вышинского. 27 ноября 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 196. Л. 37–37об.

²⁸ Записка Ежова о материалах секретариата НКВД на некоторых ответственных работников с приложением списка работников с характеристикой материалов на них и справки Новикова по этому вопросу. 3 декабря 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 196. Л. 1–36.

²⁹ Список лиц, на которых были материалы в секретариате НКВД. 5 ноября 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 196. Л. 6–16.

³⁰ Среди них было много фамилий известных советских партийных и государственных деятелей – таких, как Берия, Блюхер, Булганин, Власик, Землячка, Мехлис, Постышев, Шкирятов, Эйхе и др.

³¹ Там же. Л. 16.

³² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 196. Л. 18–19.

октября 1938 г. материалы на тех, кто еще не был арестован, забрал у Новикова начальник 1-го спецотдела И.И. Шапиро. Новиков по этому поводу заметил в своей докладной записке: «Взято Шапиро у меня было около 220 папок. Список же проходивших по ним лиц был человек на 300»³³.

Составленный Новиковым список лиц, на которых в НКВД были собраны компрометирующие материалы и которые еще не были арестованы, открывала фамилия Вышинского. Против нее стояло тире и два слова: «прокурор СССР»³⁴.

Переданная Ежовым при сдаче дел по НКВД СССР в ЦК ВКП (б) папка доносов на Вышинского, датированных периодом с марта 1937 года по март 1938 года, в настоящее время хранится в фонде И.В. Сталина Российского государственного архива социально-политической истории. В ней всего 34 листа³⁵, по объему это меньше, чем папка под названием «Материалы на Маленкова Г.М.»³⁶, но по значимости выдвинутых обвинений компрометирующие материалы на Вышинского явно превосходили свидетельства против Маленкова.

В большинстве заявлений Андрей Януарьевич обвинялся в том, что когда-то состоял во враждебной большевикам партийной группировке меньшевиков³⁷ и был сторонником правой оппозиции. Но в некоторых доносах он представлялся руководителем «контрреволюционной шпионской организации»³⁸ и обвинялся в том, что разделял установки Троцкого³⁹. Вышинский уличался и в том, что был дружен с врагом народа правоведом Вацлавом Станиславовичем Ундревичем, осужденным 30 ноября 1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания за преступления, предусмотренные пунктами 8–11 статьи 58 УК РСФСР⁴⁰.

³³ Там же. Л. 23.

³⁴ Там же. Л. 24. Примечательно, что за фамилией Вышинского в этом списке шла фамилия заведующего секретариатом Сталина А.Н. Поскребышева.

³⁵ Материалы на Вышинского А.Я. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 196. Л. 105а–131об.

³⁶ Материалы на Маленкова Г.М. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 196. Л. 36а–76.

³⁷ Материалы на Вышинского А.Я. Л. 124–124об.

³⁸ Там же. Л. 106.

³⁹ Там же. Л. 126, 129, 130.

⁴⁰ В анонимке, поступившей в ЦК ВКП (б) в январе 1938 г. и переданной затем в НКВД, утверждалось, что Вышинский и Ундревич совместно написали учебник «Курс уголовного процесса» (М., 1934), «где в предисловии оба автора указали, что их труд коллективный и они оба в одинаковой степени несут ответственность за свой труд в целом». Далее в доносе подчеркивалось, что «Вышинский и Ундревич были старинными друзьями, задушевными

Сбор компрометирующих материалов на Вышинского продолжился в НКВД и после того, как пост руководителя этого органа занял Л.П. Берия. Об этом свидетельствует составленное работниками внутренних дел в июне 1939 года собрание порочивших прокурора СССР показаний арестованных, данных на допросах в НКВД с мая 1937 года по март 1939 года, а также полученных руководством НКВД заявлений о тех или иных политических прегрешениях Вышинского. Данное собрание хранится в настоящее время в РГАСПИ в фонде 17 «Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991)» в описи 171 «Постановления Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС о деятельности антипартийных групп»⁴¹. Среди его материалов наиболее интересны показания бывшего наркома юстиции СССР Н.В. Крыленко о Вышинском на допросе 28 июля 1938 года.

Николай Васильевич, часто встречавшийся по роду своей государственной деятельности с прокурором СССР, сообщил следователю НКВД, что характерными чертами А. Я. Вышинского были «исключительная работоспособность, точность и исполнительность, и поразительное умение владеть собой и такая же исключительная мягкость и культурность во внешнем обхождении. Изменяла ему эта выдержка очень редко, но зато, если уже изменяла, то в очень резких и грубых формах (вскакивание с места, крик, немотивированный уход с заседаний и проч. Таких случаев я помню два-три: “сорвался с нарезов” — так я характеризовал эти выходки)»⁴².

Оценивая идеологические воззрения Вышинского, Крыленко утверждал, что политически всегда считал его бывшим меньшевиком, сохранившим все их типичные черты — «оппортунистическое компромиссов, преклонение в глубине души перед формами “легальной демократии”, отрицание диктатуры, в особенности жестких форм ее проявления и проч.»⁴³. «В

приятелями. Когда Ундревич ездил в Москву, он останавливался и жил у Вышинского, а последний был другом его и семьи, и также останавливался и жил у него. Теперь же, когда Вышинский распекал Пашуканиса, [он] должен был распечь и Ундревича, но об этом он промолчал» (Там же. Л. 131об.). Мне кажется очевидным, что автором данного анонимного доноса на Вышинского был один из советских правоведов — возможно, специалист в области науки уголовного процесса. Но это только мое предположение.

⁴¹ Выписки из протоколов допросов и заявления о деятельности А.Я. Вышинского // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 376. Л. 101-113.

⁴² Выписка из протокола допроса арестованного Крыленко Николая Васильевича, бывшего наркомюста СССР от 28 июля 1938 года // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 376. Л. 113.

⁴³ Там же.

служебных отношениях, — сообщал далее Крыленко, — я встретил с его стороны всегда полную лояльность и полную солидарность и лишь один раз (в начале 1933 г.) он мне заявил о своем несогласии по организационным вопросам (отстаивал самостоятельность прокуратуры внутри Наркомюста). Все это давало мне уверенность в том, что он — правый по натуре, истокам своего мировоззрения, политическому прошлому и симпатиям и, наконец, соц[иальному] положению — интеллигент и адвокат, затем профессор»⁴⁴.

Крыленко рассуждал также о политическом «хамелеонстве» Вышинского, о его склонности менять свои убеждения, но не привел серьезных аргументов в подтверждение этой своей оценки.

Характеристику мировоззрения Вышинского Крыленко завершил обвинением его в приверженности к идеям либерального крыла правой оппозиции, высказав мнение о том, что политически Вышинский проводил в своих работах по уголовному процессу и судоустройству и в своих законодательных новеллах «по существу либерально правые установки»: «допущение защиты в стадии предварительного следствия, обязательный вызов обвиняемого в распоряжение заседания суда по его делу и проч.»⁴⁵. По мнению Крыленко, «правые нотки» звучали и в выступлениях Вышинского «по поводу перегибов в судебной политике и прокур[орской] работе», но «в такой завуалированной форме, что не давало возможности поставить точки на “и”»⁴⁶.

Появление подобных доносов в атмосфере чрезвычайной подозрительности, охватившей советское общество в 1937–1938 годах, угрожало любому советскому должностному лицу, но для Вышинского опасность возрастала вдвое и даже втрое. Мало кто из советских государственных деятелей имел столько недругов в партийном аппарате и в руководстве НКВД, сколько Вышинский. При этом его политической опорой являлся, в сущности, только один человек — секретарь ЦК ВКП (б) И.В. Сталин.

Смерть Сталина или его устранение с политической арены с очень большой вероятностью повлекли бы за собой падение Вышинского, его удаление с должности прокурора СССР с последующей расправой над ним как над врагом народа. Имевшиеся в распоряжении НКВД доносы и показания на Вышинского самых разных людей, так или иначе сталкивавшихся с ним,

---

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Л. 113–114.

⁴⁶ Там же. Л. 114.

давали достаточно оснований для его ареста. Но пока Сталин был жив, Вышинскому вряд ли грозила такая участь. Эти два государственных деятеля были связаны между собой невидимой, но прочной цепью. Данная цепь только при весьма поверхностном взгляде на историю советской государственности представляется цепью репрессий, обрушившихся на советское общество в 1936–1938 годах. Более внимательное рассмотрение событий и перемен, происходивших в это время в нашей стране, приводит к заключению, которое может показаться неожиданным и даже парадоксальным: репрессии являлись самым трагичным и самым заметным явлением советской действительности второй половины 1930-х годов, но они не были **главным** ее феноменом. **Репрессии были частью более сложного и по-настоящему грандиозного явления советской истории, а именно процесса формирования нового Советского государства.**

Государство, созданное в первые годы после прихода к власти в России большевиков, должно было служить орудием и источником ресурсов для мировой социалистической революции. Это его предназначение ясно отразилось в «Декларации об образовании Союза Советских Социалистических Республик», составившей первый раздел Конституции СССР 1924 года. Декларация завершалась заявлением о том, что «доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство является достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 года основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику»⁴⁷.

С идеей мировой социалистической революции была связана доктрина отмирания государства как такового. Наиболее убежденными носителями этих двух идей были те большевики, которые до событий 1917 года много лет провели в эмиграции в Западной Европе или США. В среде же большевиков, живших все это время России и лишь изредка покидавших ее по делам своей партии, идея мировой революции, предполагавшая превращение России в хворост для разжигания мирового революционного пожара, и соответственно

---

⁴⁷ Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (Утвержден II съездом Советов Союза ССР). 31 января 1924 г. М., 1924. С. 5.

доктрина отмирания государства вызывали скепсис, который с течением лет все более усиливался. В 1923 году И.В. Сталин написал на обложке напечатанной в очередной раз книги В.И. Ленина «Государство и революция»: «Теория изживания [государства] есть гиблая теория»⁴⁸.

Выступая 18 декабря 1926 года с политическим отчетом ЦК XIV съезду ВКП (б), Сталин провозгласил переход руководства большевистской партии к экономической политике, предполагавшей формирование вместо революционной государственности, ориентированной на мировую социалистическую революцию и осуществление утопии мирового коммунистического порядка, **государственности отечественной** как по своему предназначению, так и по социальной базе. «Мы должны, — заявил он, — строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую систему капиталистического развития, как ее подсобное предприятие, чтобы наше хозяйство развивалось... как **самостоятельная экономическая единица**, опирающаяся, главным образом, на внутренний рынок... Мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну, пока есть капиталистическое окружение, страной **экономически самостоятельной**, базирующейся на внутреннем рынке, страной, которая послужит очагом для притягивания к себе всех других стран, понемногу отпадающих от капитализма и вливающихся в русло социалистического хозяйства»⁴⁹ (выделено мной. — В.Т.).

Ориентация на достижение политической независимости требовала создания мощной индустрии, способной обеспечить страну электроэнергией, железнодорожным, морским, речным и автомобильным транспортом, станками, машинами и т.д., создать современное вооружение для армии. Все это предполагало возведение множества промышленных предприятий, причем в короткий срок, охватывающий не более десяти лет. Ускоренная индустриализация первой половины 1930-х годов, сопровождавшая коллективизацией сельского хозяйства, в свою очередь потребовала ускоренного формирования и нового Советского государства с разветвленным, способным решать самые сложные проблемы развития страны государственным аппаратом.

⁴⁸ Коммунист. 1990. № 18. С. 72.

⁴⁹ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1926. С. 27–28.

Конституция СССР, принятая 5 декабря 1936 года, установила новые юридические основы советской государственности, но она не создала сколько-нибудь эффективно работающую процедуру кадрового обновления органов государственной власти. В основном законе провозглашалось, что выборы во все советы депутатов трудящихся осуществляются на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, но не было предусмотрено альтернативное голосование — избрание депутатов из нескольких кандидатов, внесенных в избирательные бюллетени. Сталин предполагал ввести такие выборы отдельным конституционным законом и надеялся, что это позволит обновить кадровый состав советов и партийных комитетов⁵⁰, но партийные секретари, представлявшие собой самую влиятельную силу в руководящих органах ВКП (б), не позволили это сделать.

Советский правящий слой формировался в своей основе из людей, случайно и быстро вознесенных на вершину государственной власти, что характерно для всех революций. И во время русской революции 1917 года, по словам писателя Ивана Наживина, мудрого и внимательного наблюдателя, «и в деревнях, и в городах, и всюду с жадностью невероятной в первые ряды очень быстро протискалось все самое ограниченное и тупое, все озлобленное и мстительное, все самоуверенное и горластое и заполонило собою все и закружилось в бесконечной карусели чужих автомобилей и занозистых, но совершенно пустых речей. Те немногие идеалисты, которые думали было вести “поднявшийся” народ в открытую ими землю обетованную, были быстро затерты этой шпанкой революции, отброшены прочь, объявлены контрреволюционерами, и обезумевшие толпы, забыв все и вся, с кулаками сарынь на кичку, бросились на разграбление России, то есть своего дома, самих себя...»⁵¹.

Революционный пожар в России дотла спалил традиционную многовековую государственность, но и, самое главное, погубил и унес за пределы страны слой образованных людей, воспитанных в духе приоритета общих интересов над личными и способных служить интересам своего Отечества, а не каким-то абстрактным, эфемерным общечеловеческим идеям. В результате в первые послереволюционные годы большевикам удалось, хотя

---

⁵⁰Подробнее об этом см.: *Томсинов В.А.* Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954): государственный деятель и правовед. Статья 11 // *Законодательство*. 2018. № 6. С. 89–90.

⁵¹ *Наживин И.В.* Записки о революции. Вена, 1921. С. 10–11.

и с большими трудностями. создать систему административного управления страной, но они так и не смогли сформировать новое государство.

Ленин, кажется, вполне сознавал, что для создания новой государственности в советской России отсутствует надлежащий человеческий материал. Ему, скорее всего, было понятно, что в рамках большевистской партии — расколотой на фракции, состоявшей из люто друг друга ненавидевших группировок, не способных принять такие имманентно присущие любой нормальной государственности явления, как законность, ответственность, компромисс — слой людей-государственников сформироваться не мог. В письме «О “двойном” подчинении и законности», продиктованном 20 мая 1922 года по телефону Сталину для Политбюро, Владимир Ильич дал просто уничтожающую оценку большевистской партии. «Нет сомнения, — указал он, — — что мы живем в море беззаконности и что местное влияние является одним из величайших, если не величайшим противником установления законности и культурности. Едва ли кто-либо не слышал о том, что чистка партии вскрыла, как преобладающий факт, в большинстве местных проверочных комиссий сведение личных и местных счетов на местах при осуществлении чистки партии. Это факт бесспорный и достаточно знаменательный»⁵².

Быть может, именно поэтому Ленин до конца своей жизни уповал больше на мировую социалистическую революцию и даже Советское государство приспособил как названием, так и внутренней организацией, к этому мифическому событию.

Нарком торговли и промышленности РСФСР Леонид Борисович Красин, ровесник и соратник Ленина в июле 1919 года рассказывал своему другу Георгию Александровичу Соломону об особенностях сложившегося в Советской России правящего слоя: «Вообще насчет благородства здесь не спрашивай... Все у нас грызутся друг с другом, все боятся друг друга, все следят один за другим, как бы другой не опередил, не выдвинулся... Здесь нет и тени понимания общих задач и необходимой в общем деле солидарности... Нет, они грызутся. И поверишь ли мне, если у одного и того же дела работает, скажем, десять человек, это вовсе не означает, что работа будет производиться совокупными усилиями десяти человек, нет, это значит только то, что все эти десять человек

---

⁵² Ленин В.И. О “двойном” подчинении и законности. Товарищу Сталину для Политбюро // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 45. М., 1970. С. 199–200.

будут работать друг против друга, стараясь один другого подвести, вставить один другому палки в колеса и таким образом в конечном счете данная работа не только не движется вперед, нет, она идет назад, или в лучшем случае, стоит на месте, ибо наши советские деятели взаимно уничтожают продуктивность работы друг друга... Право, в самые махровые царские времена, со всеми их чиновниками и дрязгами не было ничего подобного»⁵³.

Прослужив некоторое время на посту заместителя Л.Б. Красина, Г.А. Соломон сделал горький вывод: «Я убедился, что мои или, скажу правильнее, наши с Красиным оценки людей, стоящих у власти, были не в меру оптимистичны. А ведь они-то и творили жизнь "свободных" российских граждан... Высокой идее освобождения человека, идее, лежавшей в основе всего русского революционного движения, независимо от партийной разновидности и эпохи, они противопоставили, в общем и на практике, осуществление лишь узких эгоистически-групповых стремлений»⁵⁴.

Отмеченные пороки советского правящего слоя были вполне преодолимы при условии создания единой правовой системы, нормально работающей системы судов и правоохранительных органов. Ленин в оздоровлении советской бюрократии придавал особое значение прокуратуре, управляемой из одного центра и обеспечивающей подчинение всех партийных и государственных чиновников общегосударственным законам. Однако советский правящий слой обладал еще одним пороком, который перевешивал все остальные и, по сути, лишал верховное государственное и высшее партийное руководство возможности изменить этот слой постепенным и мирным путем.

Мировоззрение советского правящего слоя формировалось в атмосфере войны и многолетнего широко применения самых жестоких мер подавления какого-либо сопротивления со стороны населения. В результате сознание советских партийных и государственных деятелей приобрело ярко выраженный репрессивный характер. Ориентация на применение репрессий при решении тех или иных общественных проблем стала определяющей чертой в поведении советского правящего слоя.

---

⁵³ Соломон Г.А. Среди красных вождей. Лично пережитое и виденное на советской службе. Том 1. Paris, 1930. С. 172.

⁵⁴ Там же. С. 326–327.

Это хорошо понимал Сталин. Выступая 27 июня 1930 года на XVI съезде ВКП (б) с политическим отчетом ЦК, Иосиф Виссарионович счел необходимым заявить: «Некоторые товарищи думают, что главное в наступлении социализма составляют репрессии, а если репрессии не нарастают, то нет и наступления. Верно ли это? Это, конечно, неверно. Репрессии являются необходимым элементом наступления, но элементом вспомогательным, а не главным⁵⁵». Увещевания вождя были напрасными. В течение первой половины 1930-х годов репрессивность политического сознания советского правящего слоя только нарастала. Второй секретарь КП (б) Украины П.П. Постышев в своей речи на XVII съезде ВКП (б), произнесенной 27 января 1934 года, процитировав приведенное заявление Сталина о том, что репрессии должны применяться лишь как вспомогательное средство, а не основное, спросил: «А как обстояло в КП (б) У в этом отношении?» Его ответ откровенным и самокритичным: «Надо прямо и совершенно определенно сказать, что репрессии были в эти прорывные годы решающим методом “руководства” многих партийных организаций Украины»⁵⁶.

Есть все основания полагать, что назначение Вышинского на пост прокурора СССР 3 марта 1935 года было продиктовано именно готовностью Сталина провести массовые репрессии, то есть дать воинственно настроенным большевикам-революционерам то, чего они желали и к чему неудержимо стремились.

Поводырь, которому предстояло проводить их в кровавую бездну, был назначен...

3

Оценивая роль прокурора СССР А.Я. Вышинского в массовых репрессиях 1936–1938 годов, необходимо иметь в виду, что в тех событиях было немало стихийного, происходившего вопреки замыслам, планам, указаниям высшего руководства ВКП (б). Подобные трагедии случались после революций или государственных переворотов во многих странах и везде превращались в хаотичный процесс самоуничтожения, которым невозможно было сколько-

⁵⁵ Сталин И.В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП (б). 27 июня 1930 г. // XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1930. С. 38.

⁵⁶ Речь тов. Постышева. 27 января 1934 г. // XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 67.

нибудь эффективно управлять. Но рано или поздно кровавое безумие прекращалось, и постреволюционные общества пытались определить, кто виноват в преступлениях, или хотя бы найти того, на кого можно возложить всю ответственность за них.

Преемники Сталина во властной иерархии СССР в поисках виноватого пошли по самому простому пути – представили репрессии как результат «злоупотребления властью со стороны Сталина», который в какой-то момент решил «применять массовый террор против кадров партии»⁵⁷. После выступления первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева с докладом «О культуре личности и его последствиях» 25 февраля 1956 года на XX съезде КПСС в исторической и политико-публицистической литературе указанные репрессии стали называть «сталинскими». «Почему массовые репрессии против актива все больше усиливались после XVII съезда партии? – спрашивал Н.С. Хрущев в своем докладе и сам отвечал: «Потому, что Сталин к этому времени настолько возвысился над партией и над народом, что он уже совершенно не считался ни с Центральным Комитетом, ни с партией»⁵⁸.

Любопытно, что Хрущев умолчал о массовых репрессивных операциях 1937–1938 годов, направленных против бывших зажиточных крестьян («кулаков»), священников, ученых, инженеров, литераторов, а говорил почти исключительно о репрессиях против представителей политической оппозиции (троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев) и большевистского партийного аппарата. Он особо подчеркнул, что Сталин начал применять жесткие репрессивные меры против оппозиционеров в то время, «когда социализм был уже в основном построен в нашей стране, когда были в

---

⁵⁷ О культуре личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля 1956 года // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 137.

⁵⁸ О культуре личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля 1956 года // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 137. Стремясь теснее привязать массовые репрессии 1936–1938 гг. к личности Сталина, Хрущев решился даже на оправдание деятельности Г.Г. Ягоды и Н.И. Ежова, несмотря на ее очевидно преступный характер. Протокол заседания Президиума ЦК КПСС, которое состоялось 1 февраля 1956 г., зафиксировал следующие суждения Н.С. Хрущева о наркомках внутренних дел СССР: «Ежов, наверное, не виноват, честный человек» (Из рабочей протокольной записи заседания Президиума ЦК КПСС. 1 февраля 1956 г. // Доклад Н.С. Хрущева о культуре личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. М., 2002. С. 175). «Ягода, наверное, чистый человек. Ежов, [наверное, чистый человек]» (Там же. С. 176).

основном ликвидированы эксплуататорские классы, когда коренным образом изменилась социальная структура советского общества, резко сократилась социальная база для враждебных партий, политических течений и групп, когда идейные противники партии были политически давно уже разгромлены»⁵⁹.

В дальнейшем изложении доклада Хрущев повторил это утверждение, стремясь убедить слушателей в том, что массовые репрессии были не следствием объективных обстоятельств, а результатом влияния исключительно субъективного фактора – личных качеств Сталина. Отметив, что Сталин применял «массовые репрессии уже тогда, когда революция победила, когда укрепилось Советское государство, когда эксплуататорские классы были уже ликвидированы и социалистические отношения утвердились во всех сферах народного хозяйства, когда наша партия политически окрепла и закалилась как количественно, так и идейно», Хрущев заявил: «Ясное дело, что здесь были проявлены со стороны Сталина в целом ряде случаев нетерпимость, грубость, злоупотребление властью»⁶⁰.

Доклад «О культе личности и его последствиях» полон высказываний, лживость которых для многих была очевидна, но никто из делегатов XX съезда КПСС, слушавших данный хрущевский опус, не нашел в себе смелости выступить против льющегося с трибуны потока надуманных обвинений. Хрущев возмущенно говорил: «Сталин ввел понятие “враг народа”. Этот термин сразу освобождал от необходимости всяких доказательств идейной неправоты человека или людей, с которыми ты ведешь полемику: он давал возможность всякого, кто в чем-то не согласен со Сталиным, кто был только заподозрен во враждебных намерениях, всякого, кто был просто оклеветан, подвергнуть самым жестоким репрессиям, с нарушением всяких норм революционной законности. Это понятие “враг народа”, по существу, уже снимало, исключало возможность какой-либо идейной борьбы или выражения своего мнения по тем или иным вопросам даже практического значения»⁶¹.

Однако слушатели не могли не знать, что термин «враг народа» издавна был в ходу в России, причем возник он в народной среде.

---

⁵⁹ О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. С. 132.

⁶⁰ Там же. С. 135.

⁶¹ Там же. С. 132.

Посол Франции в России Морис Палеолог привел в своем дневнике (в записи, датированной 11 февраля 1917 г.) рассказ основателя и редактора церковной газеты «Колокол» В.М. Скворцова о впечатлении, которое произвело на русских крестьян произошедшее 17 декабря 1916 года убийство Распутина. Крестьяне были очень встревожены, сказал французскому послу Скворцов, «поскольку Григорий был таким же мужиком, как они сами, и они считали вполне естественным то, что перед ним открывались двери императорского дворца. Поэтому они объясняли убийство (*l'attentat*) просто: **враги народа** убили старца, поскольку он защищал народное дело перед царем (*les ennemis du peuple ont tué le staretz parce qu'il soutenait la cause du peuple devant le tsar*)»⁶² (выделено мной. — В.Т.). Кроме того, Морис Палеолог отметил, что рассказ В.М. Скворцова подтвердил слова князя О., с которым они беседовали накануне.

Неудивительно, что заговорщики, свергнувшие в начале марта 1917 года императора Николая II, взяли на вооружение термин «враг народа», ведь они называли себя борцами за народное счастье. 15 марта 1917 года министр юстиции А.Ф. Керенский, выступая в Мариинском дворце перед делегацией от Черноморского флота, говорил: «Я — социалист и республиканец. Я заявляю, что Временное правительство задается одной целью — собрать Учредительное собрание, а до того охранять завоеванные права народа. Прошу вас не верить слухам, распространяемым **врагами народа** и свободы, стремящимися подорвать связь между Временным правительством и народом»⁶³ (выделено мной. — В.Т.).

Большевики также сочли данный термин полезным для себя. 7 (20) июня 1917 года в газете «Правда» вышла заметка В.И. Ленина (он подписался псевдонимом «Н. Ленин») «О врагах народа», в которой Владимир Ильич сообщил: «Недавно плехановское «Единство» (справедливо называемое даже зсеровским “Делом Народа” — газетой, единой с либеральной буржуазией)

⁶² *Paléologue M. La Russie des tsars pendant la grande guerre. 10 août 1916—17 mai 1917. Paris, 1922. P. 191.* Перевод В.А. Томсинова. Любопытно, что при издании дневников Мориса Палеолога в переводе на русский язык в Советской России в 1923 г. приведенная запись была пропущена: после записи, датированной 10 февраля 1917 г., была напечатана запись от 12 февраля 1917 г. . См.: *Палеолог М. Царская Россия накануне революции / Перевод с французского. М.-Пг., 1923. С. 321-322.*

⁶³ Делегация от Черноморского флота у Временного правительства // Дело народа. Орган партии социалистов-революционеров. 1917. № 2. 16 марта, четверг. С. 3.

вспомнило закон французской республики 1793 года о врагах народа. Воспоминание очень своевременное»⁶⁴.

На самом деле формула «*ennemi du peuple (враг народа)*» появилась в революционном французском законодательстве уже в 1792 году. В статье 11 «Декрета о поведении французских генералов в странах, оккупированных армиями Республики»⁶⁵, принятом Конвентом 15 декабря 1792 года, было объявлено: «Французская нация заявляет, что будет считать **врагом народа** того, кто отказываясь от свободы и равенства или отрекаясь от них, захочет сохранить, запомнить и иметь отношения с монархом и привилегированными кастами»⁶⁶ (выделено мной. — В.Т.).

Подробный перечень признаков, позволявших признать то или иное лицо «врагом народа», был дан в статье 6 «Закона, касающегося Революционного трибунала (Loi concernant le Tribunal révolutionnaire), принятом 10 июня 1794 года (22 прериаля II года Республики)⁶⁷.

Впоследствии В.И. Ленин неоднократно применял этот жестокий, как смертный приговор, термин «враг народа» в своей политической публицистике. Использовали это понятие и другие большевистские вожди, в том числе Сталин. Во второй половине 1930-х годов выражение «враг народа» часто можно было слышать в публичных выступлениях и Н.С. Хрущева, занимавшего тогда пост первого секретаря Московского городского и одновременного областного комитетов партии, а с февраля 1938 года ставшего первым секретарем Коммунистической партии Украины.

После прихода к власти большевики стали придавать термину «враг народа» не только политическое, но и юридическое значение. Документ «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», принятый в виде постановления наркоматом юстиции РСФСР 12 декабря 1919 года, предусмотрел в перечне примерных видов наказания (под буквой «л»)

⁶⁴ Ленин В.И. О врагах народа // Правда. 1917. № 75. 20 (7 июня ст. ст.) июня. С. 2.

⁶⁵ Décret sur la conduite des généraux français dans les pays occupés par les armées de la République, 15 décembre 1792.

⁶⁶ «La nation française déclare qu'elle traitera comme **ennemi le peuple** qui, refusant la liberté et l'égalité ou y renonçant, voudrait conserver, rappeler ou traiter avec le prince et les castes privilégiées» (Archives parlementaires. De 1787 à 1860. Recueil complet des débats législatifs & politiques des chambres françaises. T. 55. Du 11 au 27 décembre 1792. P. 76).

⁶⁷ Декрет о революционном трибунале. 10 июня 1794 года // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время. 2-е издание, дополненное / Составитель: проф. В. А. Томсинов. М., 2018. С. 207–208.

«объявление врагом революции или народа»⁶⁸. Это не означало объявления вне закона, такой вид наказания был отдельно указан в перечне (под буквой «о»), как и расстрел.

Термин «враги народа» встречается в постановлении ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 года. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». В преамбуле постановления говорилось: «Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР считают, что общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как **враги народа**, в виду чего решительная борьба с расхитителями общественного имущества является первейшей обязанностью органов советской власти» (выделено мной. — В.Т.).

Врагами народа признавала расхитителей общественной собственности и Конституция СССР 1936 года. В последнем абзаце статьи 131 объявлялось: «Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа»⁶⁹.

Утверждая в своем докладе «О культе личности и его последствиях», что «Сталин ввел понятие “враг народа”», Хрущев, конечно же, понимал, что лукавит. Но ему было важно любыми способами опорочить сталинский стиль управления, предполагавший неминуемую ответственность должностных лиц за грубые ошибки и тем более за преступления.

Признав, что «массовый террор против кадров партии и Советского государства, против рядовых советских граждан» творили «провокаторы, пробравшиеся в органы государственной безопасности, а также бессовестные карьеристы», Хрущев и это вменил в вину Сталину. Вредители, по его словам, использовали «установку Сталина о том, что **чем ближе к социализму, тем больше будет и врагов**»⁷⁰ (выделено мной. — В.Т.).

⁶⁸ Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. Постановление Народного комиссариата юстиции. 12 декабря 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1919. № 66. 28 декабря. С. 844.

⁶⁹ Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1937. С. 32.

⁷⁰ О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С... С. 140.

Однако Сталин на самом деле говорил не об увеличении в советском обществе количества врагов по мере его продвижения к социализму, а об использовании остатками эксплуататорских классов **«более острых форм борьбы»**⁷¹, то есть совсем не то, что приписал ему бывший его соратник.

Хрущев не мог не осознавать, что объяснение массовых репрессий 1936–1938 годов особенностями характера Сталина не выдерживает серьезной критики, тем не менее повторил данный тезис несколько раз, стараясь закрепить его в сознании тех, кто слушал его доклад, а также тех, кто будет его читать.

Политическая борьба в советском обществе действительно заметно обострилась в первой половине 1930-х годов, но произошло это совсем не в связи с успехами, достигнутыми страной в деле социалистического строительства, а вследствие жестокого способа проведения коллективизации сельского хозяйства и тягот, которые обрушились на советский народ при осуществлении ускоренной индустриализации. Рост недовольства населения политикой руководства ВКП (б) породил у правой и левой оппозиции надежду на отстранение Сталина и его соратников от власти. На допросах во время следствия и в суде бухаринцы и троцкисты рассказывали, что первые тайные политические организации были созданы в 1931–1932 годах. Усиление репрессий против политической оппозиции, начавшееся с 1935 года, внешне выглядело как ответ на убийство первого секретаря ленинградского горкома ВКП (б) С.М. Кирова, соратника Сталина. На самом деле это усиление было реакцией руководства ВКП (б) на создание оппозицией заговорщических организаций.

Летом 1937 года произошли события, которые показали Сталину, что самую большую опасность для него представляли не троцкисты и бухаринцы, а так называемые старые большевики-революционеры, занимавшие влиятельные должности в местном партийном аппарате. Они не хотели что-либо менять в политическом строе советского общества, так как перемены

---

⁷¹ Дословно Сталин сказал в речи на Пленуме ЦК ВКП (б) 3 марта 1937 г. следующее: ««Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных» (Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б). 3 марта 1937 г. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 10).

повлияли бы на их статус, приобретенный в первые послереволюционные годы и дававший им огромную власть на местах и самые широкие возможности для роскошной жизни. Введение в действие новой Конституции СССР, предоставившей всем советским гражданам равные избирательные права при тайном голосовании, было воспринято большевиками-революционерами как угроза. Превратившиеся в партократов-вельмож, они поняли, что новые избиратели, представлявшие те социальные группы, которые больше всего пострадали от революции и гражданской войны, никогда не простят им своих лишений. Изданный 30 июля 1937 года оперативный приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» позволял партийным секретарям нанести смертельный удар по указанным слоям населения.

Хрущев, обвиняя Сталина в организации массового насилия в стране, умолчал об этой репрессивной операции, так как двигателями ее были нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов и партийные секретари. Среди последних же самую зловещую роль сыграл первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП (б) Р.И. Эйхе, представленный в докладе Хрущева как жертва сталинских репрессий и осужденный на расстрел якобы без вины.

Что же касается Сталина, то именно он был инициатором предоставления равных избирательных прав всем советским гражданам, в том числе бывшим кулакам, священникам, бывшим белогвардейцам, то есть тем людям, которых партийные секретари желали уничтожить. И в сложившихся условиях они в определенной степени сумели достичь своей цели.

Во второй половине 1965 года в ЦК КПСС была передана рукопись объемом в 357 листов под названием «Записка (Г.М.) по проблеме культа личности И.В. Сталина и о программе КПСС (вторая половина 1965 г.)»⁷². Автор этого произведения никак себя не обозначил, но по некоторым деталям содержания можно догадаться, что, скорее всего, текст составили соратники И.В. Сталина Г.М. Маленков и В.М. Молотов.

В указанной записке была предпринята попытка опровергнуть обвинения, выдвинутые против Сталина в докладах Хрущева на XX и XXII съездах КПСС.

---

⁷² В настоящее время эта рукопись хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории (Ф. 82. Оп. 2. Д. 198а. Л. 1–357). Ее текст был опубликован в журнале «Вопросы истории» (2011. № 1–6, 8–11. 2012. № 1–3).

Авторы задавали вопросы, которые, как можно предположить, в то время задавали себе многие слушавшие странные речи Хрущева:

1. «Как можно обвинять Сталина и его ближайших сотрудников в создании условий в стране для разгула произвола и беззакония, совершенно игнорируя действия нашего советского и партийного аппарата?»⁷³.

2. «Как можно коммунисту-ленинцу представлять дело так, будто бы в такой гигантской стране, как СССР, с ее 21 млн. квадратных километров территории, с ее 170 миллионным населением какие-то несколько десятков человек, могли в течении многих лет творить произвол и беззаконие, сознательно уничтожая лучших сыновей и дочерей народа?»⁷⁴.

3. «Где была миллионная армия коммунистов, где были десятки миллионов советских, настоящих советских людей, — рабочих, крестьян, интеллигенции? Неужели они не замечали всего этого или до того были задавлены страхом, что не могли и пикнуть?»⁷⁵.

Ответы на эти вопросы были вполне логичными и по-своему интересными. Как полагали авторы записки, на основании многочисленных исторических документов периода 1934–1938 годов можно сделать вывод о том, что партия, во всяком случае широкий партийный актив, «знали, понимали и оправдывали необходимость усиления жесткости и твердости диктатуры пролетариата в этот период»⁷⁶.

Далее отмечалось, что судебные процессы 1936–1938 годов не были инспирированы ни ради карьерного продвижения кого-то, ни тем более в целях уничтожения видных советских и партийных работников, а «выявили действительную картину массового распространения среди бывших оппозиционных групп различных антисоветских, контрреволюционных, вредительских и диверсионно-шпионских подпольных организаций»⁷⁷. Этот вывод составители доклада сделали исходя из сведений, знаний и впечатлений, полученных в процессе собственной государственной деятельности в то время, когда происходили описываемые ими события. В своей записке по проблемам культа личности И.В. Сталина они привели обширные выписки из стенограмм

⁷³ Записка (Г.М.) по проблеме культа личности И.В. Сталина и о программе КПСС (вторая половина 1965 г.) // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 198а. Л. 59.

⁷⁴ Там же. Л. 59–60.

⁷⁵ Там же. Л. 60.

⁷⁶ Там же. Л. 61.

⁷⁷ Там же.

открытых судебных процессов, показывающие картину полного морального разложения и политического банкротства большевиков-революционеров, составлявших так называемую «ленинскую гвардию».

В дневниках и воспоминаниях современников этих событий, а также в работах историков и публицистов, посвященных феномену репрессий 1936–1938 годов, часто обращается внимание на весьма необычное поведение обвиняемых, относившихся к категории старых большевиков, то есть политических деятелей, вступивших в большевистскую фракцию РСДРП еще до революции. Эти люди, прошедшие через тяжкие испытания, царские тюрьмы и ссылки, проявлявшие удивительную смелость в борьбе с царской полицией, достойно державшие себя в царском суде даже при угрозе смертного приговора, имевшие репутацию сверхволевых деятелей, как будто из стали сделанные⁷⁸, оказавшись в советских органах внутренних дел, в советских тюрьмах и в советском суде, теряли способность бороться, лишались разума и человеческого достоинства. Что происходило с ними? Почему они так легко сдавались, почему безропотно шли под расстрельные приговоры сами и, давая на следствии и в суде свидетельские показания, приносили в жертву своих соратников, друзей, родственников. Очевидно, что такое поведение объяснялось личностными причинами.

Никакие пытки, никакое иное воздействие не могут сломить человека, если его поведение определяется не чем-то внешним (материальными благами, подчинением сильному), а внутренними ценностями и убеждениями. Такой человек в любых обстоятельствах остается самим собой, верным себе. Подобные личности, наверное, встречались и среди большевиков, но вряд ли оставались с ними сколько-нибудь долгое время. Большевистская мораль имела одну особенность, которая многое объясняет в политике и судьбе большевистской партии в целом, в поступках и участии отдельных ее представителей, в героической жизни и бесславной смерти Советского государства.

Эту роковую особенность большевистской морали отчетливо выразил в своих речах и произведениях В.И. Ленин. Выступая 2 октября 1920 г. на III Всероссийском съезде комсомола, он разъяснял молодым людям, каким нравственным принципам должны следовать большевики: «Наша

---

⁷⁸ Недаром Николай Островский дал своему частично автобиографическому роману, написанному в начале 1930-х гг., название «Как закалялась сталь».

нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата»⁷⁹. Продолжая рассуждать о нравственности и объясняя отличие большевистского ее типа от буржуазного, Ленин отметил: «Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем. Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда»⁸⁰.

В переводе с политического большевистского на обычный человеческий язык слова Ленина означали, что для большевиков нравственным являлось все, что служило интересам и целям их партии.

Именно этот принцип утверждал в своих выступлениях А.А. Сольц, считавшийся в 1920-е и 1930-е годы «совестью партии». В 1924 году Арон Александрович, являвшийся в то время членом президиума Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП (б) и одновременно членом Верховного суда СССР, выступил на собрании ЦКК и народного комиссариата РКИ с докладом о партийной этике: «Основой нашей этики, — сказал он, — являются интересы преследуемой нами цели. Правильно, этично, добром является то, что помогает осуществлению нашей цели, что помогает сокрушить наших классовых врагов, научиться хозяйствовать на социалистических началах; неправильно, неэтично, недопустимо то, что вредит этому. С этой точки зрения надо подходить ко всякому поступку члена партии, когда мы хотим разрешить вопрос, этично ли он поступает или нет»⁸¹.

Как и В.И. Ленин, А.А. Сольц учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета и, казалось, должен был понимать, что мораль не может существовать без каких-либо незыблемых норм, которые выше интересов отдельных социальных групп и индивидов, и что соблюдение таких норм тоже составляет интерес, но высшего порядка, поскольку это интерес общества как самостоятельного живого организма. Тем не менее он вслед за Лениным отождествлял нравственность с интересами классовой борьбы.

⁷⁹ Ленин В.И. Задачи союзов молодежи (речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 41. Май – ноябрь 1920. М., 1981. С. 309.

⁸⁰ Там же. С. 312–313.

⁸¹ Сольц А.А. О партийной этике. Доклад собрания ячейки ЦКК и НК РКИ. 1924 г. // Партийная этика. Документы и материалы дискуссии 20-х годов. М., 1989. С. 260–261.

Лекции А.А. Сольца о партийной этике, которые он в 1924–1925 годах читал студентам Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова, показывают, что за нравственность и этику он, как и Ленин и другие большевики, выдавал идеологию, присущую гражданской войне. «Основа для нашего поведения, — говорил он, — заключается в том, что мы, хотя переживаем эпоху строительства, эпоху якобы мирную, остаемся на своих постах членов революционной боевой партии, для которых интересы борьбы, интересы революции являются, так сказать, мерилom, по которому мы оцениваем, хорошо ли мы поступаем или плохо. Все, что облегчает нашу борьбу, все, что нас усиливает как борцов, все, что нам помогает в этой борьбе, то является этическим, хорошим. Всякий поступок с этой точки зрения и должен оцениваться, помогает ли он нашей борьбе или вредит во всех областях»⁸².

Согласно этой идеологии, называвшейся партийной этикой, естественным считалось не достижение компромисса с теми, кто не разделяет твоих взглядов, не установление гармоничного соотношения интересов различных социальных групп, а подавление, уничтожение всего, что не соответствует твоим взглядам и интересам. И самое удивительное, что устроенная таким способом новая жизнь объявлялась большевистскими идеологами лучшей. «Наша задача состоит в том, чтобы устроить лучшую жизнь, — внушал студентам А.А. Сольц, — эта задача должна нами преследоваться, **всякое сопротивление ей должно караться — и это является, с нашей точки зрения, этическим.** Вот когда мы будем подходить с точки зрения полезности для партии, когда каждый момент мы будем рассматривать под углом зрения интересов революции, то такой подход и явится бесспорным признаком, по которому очень легко определять этичность тех или иных поступков»⁸³.

В приведенных высказываниях А.А. Сольц выразил не только свои собственные представления о нравственности, но и те, которые господствовали в среде большевистской партии и в 1920-е, и в 1930-е годы. Эти воззрения формировали и поддерживали репрессивный тип сознания советского правящего слоя. Репрессии были для него не чрезвычайным, а вполне обыденным способом разрешения конфликтов. Более того репрессии воспринимались как необходимый элемент общественной жизни. Приписав

---

⁸² Сольц А.А. О партэтике. Доклад, читанный в Коммунистическом университет им. Я.М. Свердлова. 1924 г. // Партийная этика. Документы и материалы дискуссии 20-х годов. М., 1989. С. 274.

⁸³ Сольц А.А. О партийной этике. Доклад собрания ячейки ЦКК и НК РКК. 1924 г. С. 261.

Сталину в своем докладе «О культе личности и его последствиях» установку «чем ближе к социализму, тем больше будет и врагов», Н.С. Хрущев на самом деле проговорился и выразил не сталинские, а собственные воззрения на устройство социалистического общества и политику социалистического государства, согласно которым строительство социализма — это не развитие экономики, культуры, не совершенствование системы государственной власти и управления, а подавление врагов. То есть процесс развития и совершенствования различных сфер общественной жизни заменяется борьбой с врагами. Эта борьба и признается общественным развитием.

Яснее всего данный подход сформулирован в книге Н.И. Бухарина «Экономика переходного периода». Казалось бы, для переходного периода закономерностью должно быть сосуществование в определенной гармонии или даже симбиозе различных форм экономических отношений и социальных групп. Однако Бухарин мыслил по-иному. Обнаруживая в обществе переходного периода множество различных социальных групп, он думал не о том, как добиться гармонии между ними, а о том, какие из них следует подавить, подчинить, какие — уничтожить, и в каком порядке.

«Господствующий пролетариат в первую фазу своего господства, — утверждал он, — имеет против себя: 1) паразитические слои: (бывшие помещики, рантье всех видов, буржуа-предприниматели, имевшие мало отношения к производственному процессу); торговые капиталисты, спекулянты, биржевики, банкиры; 2) вербовавшуюся из тех же слоев непроизводительную административную аристократию (крупные бюрократы капиталистического государства, генералы, архиереи и пр.; 3) буржуазных предпринимателей-организаторов и директоров (организаторы трестов и синдикатов, “деляги” промышленного мира, крупнейшие инженеры, связанные непосредственно с капиталистическим миром изобретатели и проч.); 4) квалифицированную бюрократию — штатскую, военную и духовную; 5) техническую интеллигенцию и интеллигенцию вообще (инженеры, агрономы, зоотехники, врачи, профессора, адвокаты, журналисты, учительство в своем большинстве и т.д.; 6) офицерство; 7) крупное зажиточное крестьянство; 8) среднюю, а отчасти и мелкую городскую буржуазию; 9) духовенство, даже неквалифицированное»⁸⁴.

---

⁸⁴ Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. Часть 1. Общая теория трансформационного процесса. М., 1920. С. 147.

В приведенном перечне нетрудно увидеть жертвы и программу массовых репрессий, осуществленных во второй половине 1930-х годов. Бухарин заранее предполагал, что все указанные им слои, классы и группы будут неизбежно вести «активную борьбу против пролетариата под политической гегемонией представителей финансового капитала и под военной гегемонией генералитета»⁸⁵. Из этого абсолютно умозрительного вывода Бухарин сделал вполне естественное заключение: пролетариат должен отбить атаки своих противников и подвергнуть их общественной переработке, применив репрессивные методы. Николай Иванович считал, что коммунизм можно построить только насильем, но эта мысль несколько его не смущала. С уверенностью, свойственной фанатику, он изрекал мысли, от которых нельзя не содрогнуться: «С более широкой точки зрения, т.е. с точки зрения большего по своей величине исторического масштаба, пролетар-ское принуждение во всех своих формах, **начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью**, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи»⁸⁶ (выделено мной. — В.Т.).

Формы принуждения Бухарин почему-то отсчитывал от расстрелов и завершал трудовой повинностью, хотя логичнее было бы — наоборот.

Но самое страшное заключалось в том, что расстрел был для него не высшей мерой наказания за совершение тяжких преступлений, назначенной судом после тщательного рассмотрения объективной и субъективной сторон преступного деяния, а вполне допустимым способом преобразования общества, методом осуществления государственной политики.

Бухарин не ограничился описанием технологии «выработки коммунистического человечества», но и показал, к каким результатам приведет ее практическое применение: «Бывшая буржуазия, пораженная, разбитая, смирившаяся, обнищавшая, приучившаяся к физическому труду, духовно перерабатывается и перевоспитывается. Часть ее гибнет в гражданской войне, но та часть, которая выживает, представляет уже иную социальную категорию. Интеллигенция тоже»⁸⁷. Только для крестьянства Бухарин предусмотрел в

---

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. С. 146.

⁸⁷ Там же. С. 147.

своим репрессивным способом построения коммунизма возможность медленного перевоспитания.

Назвав расстрелы первоочередным методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи, Бухарин признал, что этот вывод звучит парадоксально. Однако главный парадокс заключался все же в другом. Большевистский вождь, ставший **самой яркой фигурой среди жертв «сталинских репрессий»**, давший своей фамилией название, пусть и неофициальное, самому грандиозному из открытых судебных процессов над оппозицией, носил **в себе сознание жестокого палача!**

4

Массовые репрессии 1936–1938 годов, представленные в докладе Н.С. Хрущева о культе личности на XX съезде КПСС как следствие «злоупотребления властью со стороны Сталина», в действительности имели объективные основания, коренившиеся в экономической и социальной политике руководства ВКП (б), а также в политической идеологии и правосознании советского правящего слоя. **То, что эти репрессии случились, было не удивительным, по-настоящему удивительное произошло бы, если бы такой трагедии не случилось.**

Советская официальная пропаганда утверждала, что к середине 1930-х годов «укрепилось Советское государство», «политически окрепла и закалилась как количественно, так и идейно» коммунистическая партия, «эксплуататорские классы были уже ликвидированы и социалистические отношения утвердились во всех сферах народного хозяйства»⁸⁸. Массовые репрессии с точки зрения этой благостной картины выглядели беспричинными, бессмысленными, проистекающими исключительно из злой воли Сталина.

Однако данная картина не отражала действительное состояние советского общественного и политического строя, сложившееся к указанному времени. Она затушевывала реально существовавшие тогда в советском обществе острейшие противоречия. Причем наиболее опасными для страны были конфликты внутри большевистской партии. В ней еще при Ленине возникли

⁸⁸ О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля 1956 года // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 132.

фракции, не подчинявшиеся решениям партийных пленумов и съездов. Во второй половине 1920-х годов раскол в большевистской партии только усилился.

Г.Е. Зиновьев в своей политической исповеди об истории так называемой «зиновьевской» оппозиции, написанной в заключении в 1935 году совместно с С.М. Гессеном⁸⁹, привел фразу, сказанную им на собрании зиновьевского центра накануне 1 января 1929 года: «Партия расщеплена; сейчас по случаю нового года заседают, наверно, 4 фракции: сталинская, бухаринская, троцкистская и наша»⁹⁰. Любопытно, что самой мощной из этих фракций Зиновьев считал тогда бухаринцев, то есть правых. «В это время нам казалось, — признавался он в своей политической исповеди, — что “кризис” партии очень недалек и мы поэтому не старались даже особенно конспирировать наши постоянные совещания. Имея в перспективе близкое выступление правых которое, как нам тогда казалось будет достаточно мощным, мы считали, что Центральному Комитету теперь “не до нас” и что мы можем теперь немножко “выпрямить спину”»⁹¹.

В первой половине 1930-х годов раскол внутри ВКП (б) перестал проявляться открыто. XVII съезд ВКП (б) официально был назван съездом победителей. Однако единство большевистской партии являлось только внешним. В действительности борьба за власть значительно усиливалась. Это убедительно продемонстрировали открытые судебные процессы 1936–1938 годов, в которых главными обвиняемыми в контрреволюционных, антигосударственных преступлениях оказались лица, занимавшие высокие партийные и государственные посты (Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Ю.Л. Пятакова, Г.Я. Сокольников, Л.П. Серебряков, Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Г.Г. Ягода, Н.И. Крестинский, Х.Г. Раковский и др.). На допросах во время следствия и в суде они рассказали в подробностях, как в начале 1930-х годов в большевистской

---

⁸⁹ Об этом соавторстве сообщил сам Зиновьев в предисловии к своей исповеди: «Эту работу мы писали вдвоем — я и С.М. Гессен, осужденный по тому же делу, что и я. Мы вместе обдумывали и вынашивали эту работу и во всем том, что не касается чисто личных моментов, писали ее вместе» (*Зиновьев Г.Е., [Гессен С.М.] Заслуженный приговор. История бывшей зиновьевской оппозиции, ее ошибок, ее преступлений. Часть 1 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 425. Л. 13*). Однако на обложке данного политического трактата автором назван только Г. Зиновьев.

⁹⁰ *Зиновьев Г.Е., [Гессен С.М.] Заслуженный приговор. История бывшей зиновьевской оппозиции, ее ошибок, ее преступлений. Часть 2 // РГАСПИ. Ф.17. Оп. 171. Д. 426. Л. 190.*

⁹¹ Там же.

партии сформировались оппозиционные группировки, поставившие своей целью захват власти путем государственного переворота и убийства Сталина и его сторонников в руководстве ВКП (б), как на своих тайных совещаниях оппозиционеры приняли решение отказаться от открытой борьбы, которая могла привести «к полному разгрому всего кадрового состава организации, к потере всякого авторитета лидеров ее, к ряду репрессий и т.д.»⁹², и перешли к нелегальной борьбе, как вербовали «новых своих сторонников в целях продолжения борьбы с партией и расширения активных кадров контрреволюционной правой организации»⁹³, как налаживали связи с троцкистами и готовили государственный переворот.

Заговор внутри ВКП (б) вполне мог оказаться успешным, поскольку в числе заговорщиков были высокопоставленные должностные лица. Под их контролем находилась охрана Кремля и руководителей ВКП (б), армейские подразделения и органы внутренних дел⁹⁴. Кроме того, они могли

---

⁹² Показания Н.И. Бухарина. Июнь 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 427. Л. 34. Рассказ Н.И. Бухарина о том, как и почему правыми было принято решение о переходе к нелегальным формам борьбы, подтверждается показаниями участвовавшего в заговоре А.С. Енукидзе на допросе 27 апреля 1937 г. По свидетельству бывшего секретаря ЦИК СССР, «Бухарин, Рыков и Томский пришли к выводу, что вести дальше открытую борьбу за свою политическую платформу, по примеру того, как это делали троцкисты в 1927 г., нельзя, так как это неизбежно приведет к массовым репрессиям по отношению к правым, к разгрому кадров правой организации и не даст никаких шансов на победу. Поэтому не только сами Рыков, Бухарин и Томский декларировали свой отход от правых взглядов, но директиву об этом дали и своим единомышленникам, чем преследовалась одна определенная цель: сохраниться в рядах ВКП (б) и вести подпольную организационную работу, двурушнически признавая правильной политику ЦК ВКП (б)» (Протокол допроса А.С. Енукидзе. 27 апреля 1937 г. // РГАСПИ. Ф.17. Оп. 171. Д. 302. Л. 103-104).

⁹³ Показания Н.И. Бухарина. Июнь 1937 г. Л. 35.

⁹⁴ На следствии Бухарин сообщил, что в осуществлении плана государственного переворота заговорщики рассчитывали использовать властные полномочия секретаря ЦИК СССР А.С. Енукидзе и наркома внутренних дел Г.Г. Ягоды: «Томский рассказал мне однажды, уже после моего приезда, что Енукидзе согласен на то, чтобы возглавить этот переворот, что Ягода тоже принимает в этом участие и что Енукидзе завербовал для этого дела и коменданта Кремля, Петерсона, который был раньше, как известно, начальником т.н. поезда Троцкого. Так созрел план государственного переворота» (там же. Л. 38). А.С. Енукидзе, руководивший по должности секретаря ЦИК охраной Кремля, признался на допросе в НКВД 27 апреля 1937 г.: «В начале 1932 г. Петерсон был мною завербован и дал согласие на участие в подготовке переворота в Кремле» (Протокол допроса А.С. Енукидзе. 27 апреля 1937 г. Л. 110). На вопрос следователя: «Когда и при каких обстоятельствах Вам дал Петерсон согласие на участие в подготовке переворота в Кремле?» Енукидзе ответил: «Это было в начале 1932 г., приблизительно в марте мес[яце] в моем служебном кабинете» (там же. Л. 115-116). На допросе Г.Г. Ягоды 19 мая 1937 г. следователь спросил: «Енукидзе Вас несомненно посвятил в

рассчитывать на поддержку значительной части Центрального комитета ВКП (б), местного партийного аппарата и в определенной степени населения страны.

Объясняя почему в 1932 году вожди внутрипартийной оппозиции пришли к идее государственного переворота, Бухарин признавался, что к этому их подвела сама логика борьбы. В условиях, когда для оппозиционеров были закрыты возможности прийти к власти посредством завоевания большинства в руководящих органах ВКП (б), насильственный способ захвата власти в партии и стране стал для них единственным вариантом, имевшим «серьезный смысл»⁹⁵.

С другой стороны, осуществление руководством ВКП (б) политики сплошной коллективизации сельского хозяйства и ускоренной индустриализации привело в начале 1930-х годов к ухудшению положения советского народа. Вполне естественное при таких переменах падение жизненного уровня простых людей было усугублено многочисленными злоупотреблениями партийных и государственных чиновников, непосредственно проводивших указанную политику. В результате в советском обществе стало расти недовольство по отношению к руководству ВКП (б).

Заговорщики рассчитывали использовать это настроение народа для достижения своих целей. Бывший секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе сообщил на допросе 27 апреля 1937 года, что «при удачном проведении арестов Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова и Орджоникидзе намечалось выпустить по Советскому Союзу правительственное сообщение, в котором

планы организации правых. В чем они заключались?». Бывший нарком внутренних дел дал следующий ответ: «Планы правых в то время сводились к захвату власти путем так называемого дворцового переворота. Енукидзе говорил мне, что он лично по постановлению центра правых готовит этот переворот. По словам Енукидзе, он активно готовит людей в Кремле и в его гарнизоне (тогда еще охрана Кремля находилась в руках Енукидзе)». Далее Ягода сообщил, что секретарь ЦИК СССР сказал ему, что «комендант Кремля Петерсон целиком им завербован, что он посвящен в дела заговора. Петерсон занят подготовкой кадров заговорщиков-исполнителей в школе ВЦИК, расположенной в Кремле, и в командном составе Кремлевского гарнизона» (Протокол допроса Ягоды Генриха Григорьевича от 19 мая 1937 года // Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности. Сборник документов. Казань, 1997. С. 171).

⁹⁵ Показания Н.И. Бухарина. Июнь 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 427. Л. 38.

извещалось бы, что старое руководство партии своей неправильной политикой себя скомпрометировало и тем самым вызвало недовольство во всей стране, что, в связи с этим, оно сейчас отстранено от руководства страной и что новый состав правительства примет все меры к тому, чтобы улучшить положение в стране»⁹⁶.

По признанию Енукидзе, переворот сначала намечался на лето 1933 года, но из-за недостатка завербованных в заговор людей, служивших в Кремле, был отложен. Затем он был перенесен на время после XVII съезда. 3 марта 1935 года А.С. Енукидзе был снят с поста секретаря ЦИК СССР, и заговорщикам пришлось окончательно отказаться от предполагавшего его активное участие плана «дворцового переворота».

Вместо Енукидзе секретарем ЦИК СССР стал И.А. Акулов, занимавший до этого должность прокурора СССР. Назначение в этот же день А.Я. Вышинского прокурором СССР выглядело тогда следствием перемещения Акулова на новый государственный пост. На самом деле именно Ивана Алексеевича назначили секретарем ЦИК СССР для того, чтобы освободить должность прокурора СССР для Андрея Януарьевича.

К началу марта 1935 года высшему руководству ВКП (б) стало понятно, что внутрипартийная оппозиция лишь притворилась побежденной, в действительности она не только не сдалась, но и активизировалась. Обсуждение закрытого письма ЦК ВКП (б) от 18 января 1935 года. «Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова»⁹⁷ в местных партийных организациях показало, что сторонники Зиновьева и Троцкого открыто вели пропаганду своих взглядов, не скрывая негативного отношения к Сталину и другим руководителям ВКП (б), в местных учебных заведениях, на страницах

⁹⁶ Протокол допроса А.С. Енукидзе. 27 апреля 1937 г. Л. 121. При дальнейшем ходе допроса Енукидзе уточнил, что арестом дело не ограничилось бы: «Томский развивал следующий план действий: среди завербованных внутри Кремля подбирается небольшая группа лиц, которая либо ночью на квартирах, либо во время прогулок совершает террористический акт над Сталиным, Молотовым, Ворошиловым, Кагановичем и Орджоникидзе. В стране, в результате убийства перечисленных выше руководителей ВКП (б) и советского правительства, начинается замешательство и к руководству привлекаются лица, которые раньше состояли в этом руководстве» (там же. Л. 122). На вопрос следователя: «Сколько человек Вы считали необходимым иметь для осуществления переворота в Кремле?», Енукидзе ответил: «Человек 20–25». «А сколько у вас было?» – спросил следователь. «Человек 15», – ответил арестованный. «Кто персонально?». И Енукидзе назвал фамилии (там же).

⁹⁷ Закрытое письмо ЦК ВКП (б) «Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова». 18 января 1935 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 95–100.

местных газет и журналов, среди рабочих на заводах. Все эти факты были обобщены заместителем заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП (б) Г.М. Маленковым в серии сводных записок⁹⁸ и передан в 20-х числах февраля 1935 года персонально И.В. Сталину, Л.М. Кагановичу, Н.И. Ежову и А.А. Жданову.

Общий вывод из этих сообщений гласил: «При обсуждении письма ЦК низовыми парторганизациями вскрываются факты засоренности учебных заведений и органов печати зиновьевско-троцкистскими элементами,

---

⁹⁸ Так, в записке, датированной 20 февраля 1935 г, сообщалось, что «в Астраханской городской парторганизации вскрыт факт опубликования в стенгазете совпартшколы антипартийной статьи преподавателя Титова, противопоставляющего т. Сталина — Ленину в духе контрреволюционного троцкизма. Редактор газеты Зенин иллюстрировал эту статью снимками Зиновьева, Каменева и Троцкого под заголовками “вождя партии”» (Записка отдела руководящих партийных органов ЦК ВКП (б) «О контрреволюционных зиновьевско-троцкистских элементах в учебных заведениях и органах печати, вскрываемых парторганизациями в связи с обсуждением закрытого письма ЦК от 18/1-35 г. Информация № 3. 20 февраля 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 202. Л. 73). В записке, датированной 22 февраля 1935 г., говорилось, например, что в Хабаровской области председатель Иманского горсовета Хватский открыто вел «контрреволюционную зиновьевско-троцкистскую агитацию, в беседах указывал, что успехи периода гражданской войны и социалистического строительства являются результатом деятельности Троцкого и Зиновьева, ссылаясь на личные разговоры с Троцким, всячески порочил вождей партии. Хватский заявлял при этом: У меня есть сочинения Троцкого, где Троцкий писал верно, если хотите могу прочесть его. Несмотря на переброски я всегда эти сочинения вожу с собой» (Записка отдела руководящих партийных органов ЦК ВКП (б) «О контрреволюционных зиновьевско-троцкистских элементах, вскрываемых парторганизациями при проработке закрытого письма ЦК от 18/1-35 г. Информация № 5. 22 февраля 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 202. Л. 83). В записке, датированной 26 февраля 1935 г. сообщалось, к примеру: «В журнале “Социалистическое хозяйство Татарстана” троцкисты и группа бывших лидеров меньшевиков, эсеров систематически протаскивали свои контрреволюционные взгляды (№№ журнала 3-4, 7-8 и др.). Редакция журнала фактически руководилась эсеркой Начаткиной, к участию в работе журнала привлечены были крупные меньшевистские деятели как Либер (Гольдман), Бройтман, Давидович, Залкинд — эсер, Шаманович — бывш[ий] петлюровский министр, шендриков — сын заводчика, Тюменев — сын крупного курца и др. Все эти люди пользовались доверием у руководителей Госплана Терского и Эскина» (Записка отдела руководящих партийных органов ЦК ВКП (б) «О контрреволюционных зиновьевско-троцкистских элементах в учебных заведениях и органах печати, вскрываемых парторганизациями в связи с обсуждением закрытого письма ЦК от 18/1-1935 года. Информация № 6. 26 февраля 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 202. Л. 87-88). В этой же записке отмечалось, что в Казанском Институте права «бывшие троцкисты — Коробов, Корбут, Медведев — давали троцкистское толкование учения о диктатуре пролетариата». А в Казанском государственном университете и в Казанском Педагогическом институте «бывшие троцкисты Эльвов, Ищенко также систематически протаскивали троцкистскую контрабанду» (там же. Л. 88).

продолжавшими до последнего времени пропагандирование контрреволюционных взглядов»⁹⁹. Однако сведенные воедино многочисленные факты открытого распространения в партийных организациях произведений и идей Г.Е. Зиновьева и Л.Д. Троцкого создавали более удручающее впечатление: призывы, рекомендации и даже строгие указания руководства ВКП (б) местными коммунистами просто игнорировались. Борьба с троцкистами, зиновьевцами и бухаринцами шла только в центре. В местных же партийных организациях эти фракции действовали в середине 1930-х годов так же открыто и бесцеремонно, как в Москве и Ленинграде десятилетие назад.

Любопытно, что назначение Вышинского на пост прокурора СССР состоялось спустя неделю после того, как Сталин и его соратники в руководстве ВКП (б) ознакомились с записками Г.М. Маленкова, в которых излагались многочисленные факты грубейшего нарушения партийной дисциплины на местах, свидетельствовавшие по меньшей мере о сохранении в большевистской партии раскола на фракции. Думается, это совпадение было неслучайным.

Прежние методы борьбы с оппозиционными группировками внутри ВКП (б) путем идеологических разоблачений на партийных форумах, на собраниях, в печати, в закрытых письмах Центрального комитета оказались по ряду причин неэффективными и бессмысленными. В этих условиях вполне логичным было перейти к более жестким и рациональным способам подавления оппозиции, т.е. к судебным репрессиям. Поэтому закономерным представлялось выдвижение на пост руководителя органа, предназначенного осуществлять надзор за законностью в стране и в том числе за деятельностью органов следствия и суда, именно А.Я. Вышинского, имевшего в отличие от И.А. Акулова полноценное юридическое образование и известного своими научными трудами в области юриспруденции.

Вскоре после назначения Вышинского прокурором СССР в НКВД СССР развернулось дополнительное следствие по делу Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева с целью подготовки нового судебного процесса над ними. 19 марта 1935 года состоялся допрос Зиновьева следователями НКВД Г.С. Люшковым и М.А. Каганом, в ходе которого Григорий Евсеевич дал разоблачающие показания на себя и своего соратника Льва Борисовича. «Я должен заявить следствию, — сказал Зиновьев, — что показания, которые дал Каменев суду о том, что он за последние два года не проявлял никакой контрреволюционной

---

⁹⁹ Там же. Л. 86.

активности¹⁰⁰. — лживы. В действительности между мной и Каменевым в нашей контрреволюционной деятельности за последние 2 года не было никакой разницы. Это касается и нашего отношения к Центральному Комитету, к его решениям и, в особенности, нашего отношения к Сталину»¹⁰¹. Зиновьев признался также в том, что регулярно читал «контрреволюционные троцкистские документы, именуемые “Бюллетенями оппозиции”», добавив при этом, что «подробно информировал Каменева о содержании этих документов» и о своем «положительном отношении к отрицательным оценкам, которые давал Троцкий положению в стране и в партии». А Каменев, по словам Зиновьева, был со всем согласен с ним. «Больше того, — пояснил Григорий Евсеевич следователю, — Каменев проявил настолько большой интерес к этим документам, что он дополнительно лично хотел ознакомиться с этими “трудами” Троцкого»¹⁰².

На следующий день, 20 марта 1935 года, те же следователи допросили Л.Б. Каменева. Лев Борисович признал, что Зиновьев действительно «знакомился с так называемыми бюллетенями оппозиции в Институте Ленина» и о содержании этих «контрреволюционных документов» Троцкого информировал его, «высказывая свое положительное отношение по отдельным вопросам оценки Троцким положения в партии и в СССР». Но Каменев отказался признать, что был согласен с данными оценками, уточнив,

---

¹⁰⁰ Зиновьев в данном случае имеет в виду выездную сессию Военной коллегии Верховного суда СССР, на которой 15 и 16 января 1935 г. было рассмотрено дело по обвинению 19 человек, в том числе Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева, в участии в деятельности подпольной контрреволюционной группы. На допросе в зале суда Каменев сказал: «Я в 1932–33 г. понял, что у нас нет никаких шансов, нет никаких условий, чтобы можно было бороться против партии. Я стал отходить от этого. Я поставил свою личную ставку на другое, на путь развития и востания в партию» (Стенографический протокол судебного заседания выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР, состоявшегося 15–16 января 1935 года в гор. Ленинграде по делу зиновьевской контрреволюционной организации // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 208. Л. 163). Зиновьев как главный организатор и наиболее активный руководитель «Московского центра», «руководившего деятельностью подпольных контрреволюционных московских и ленинградских групп», был приговорен к тюремному заключению на десять лет. Л.Б. Каменева, как одного из руководящих членов «Московского центра», «но в последнее время не принимавшего в его деятельности активного участия», приговорили к тюремному заключению на пять лет (Приговор выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР по обвинению Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, Г.Е. Евдокимова и др. по делу об убийстве С.М. Кирова. 16 января 1935 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 209. Л. 106, 108).

¹⁰¹ Протокол допроса Зиновьева Григория Евсеевича от 19 марта 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 109. Л. 35.

¹⁰² Там же. Л. 36.

что он Зиновьеву просто «не возражал и никому о его контрреволюционных взглядах по этому вопросу не сообщал»¹⁰³.

Так началась подготовка первого открытого судебного процесса над большевистскими вождями. Полный состав его подсудимых еще не был сформирован. Формула обвинения была лишь намечена. Но был известен государственный обвинитель и трое обвиняемых. Прокурору СССР Вышинскому предстояло сразиться в судебном поединке с Зиновьевым, Каменевым и... **Троцким**. Имя этого человека, прозванного «демоном революции», уже фигурировало в первых допросах будущих главных подсудимых.

Данный факт можно было бы счесть малозначащей деталью, если бы открытое судебное разбирательство, прошедшее с 19 по 24 августа 1936 года, не получило официальное название процесса «**троцкистско-зиновьевского террористического центра**». Троцкий являлся незримым участником и двух последующих открытых судебных процессов. Неудивительно, что и в их официальных названиях присутствовала его фамилия. Открытый суд, состоявшийся с 23 по 30 января 1937 года, был назван процессом «**антисоветского троцкистского центра**», а тот, который прошел со 2 по 13 марта 1938 года, стал известен как процесс «**антисоветского право-троцкистского блока**».

Фамилия Троцкого как вдохновителя заговора упоминалась и на закрытом судебном процессе над видными советскими военачальниками, который прошел 11 июня 1937 года. На допросе в зале суда М.Н. Тухачевский сообщил, что считает началом организации военного заговора 1932 год, когда получил от Троцкого предложение «собирать троцкистские кадры» и «согласился на это»¹⁰⁴.

Троцкий был недостижим для советского правосудия — почему же, несмотря на это, его сделали фигурантом всех крупных судебных процессов 1936–1938 годов над высокопоставленными большевистскими партийными и государственными деятелями? Первая мысль, которая напрашивается, — скандальную фигуру Троцкого решили использовать для еще большей

---

¹⁰³ Протокол допроса Каменева Льва Борисовича от 20 марта 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 671. Оп.1. Д. 109. Л. 58.

¹⁰⁴ Стенограмма суд. заседания Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР по делу Тухачевского М.Н., Якира И.Э., Уборевича И.П., Корка А.И. и др. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д.392. Л. 40.

компрометации обвиняемых. Обозначение подпольных антисоветских организаций, участие в которых вменялось подсудимым в вину, как «троцкистских», казалось бы как раз этой цели и должно было служить. Однако чтение стенограмм указанных судебных процессов показывает, что Троцкий не использовался для компрометации подсудимых, напротив — показания подсудимых были использованы, чтобы опорочить Троцкого, выставив его предателем, торгующим своей родиной, стремящимся восстановить в СССР капитализм и расчленив страну, подстрекателем и даже организатором контрреволюционных преступлений, в том числе террористических актов против руководителей ВКП (б).

Л.Д. Троцкий был главным обвиняемым на всех трех московских открытых судебных процессах над большевистскими вождями, хотя и не сидел на скамье подсудимых, как другие обвиняемые. Сам Лев Давидович узнал, что стал в СССР обвиняемым в тяжких преступлениях уже в августе 1936 года, ознакомившись с опубликованными в газете «Правда» материалами первого же показательного судебного процесса над большевистскими вождями¹⁰⁵. Он серьезно встревожился из-за этого, потратил массу времени и сил на свою защиту, постарался даже организовать с помощью своих сторонников в различных странах так называемый «контрпроцесс»¹⁰⁶.

---

¹⁰⁵ В конце обвинительного заключения по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра было заявлено: «Изобличенные материалами настоящего дела в непосредственной подготовке и личном руководстве организаций в СССР террористических актов против руководителей ВКП (б) и Советского государства, находящиеся за границей Л. Троцкий и его сын Седов Л.Л., в случае их обнаружения на территории Союза ССР, подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР» (Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра. Обвинительное заключение по делу Зиновьева Г.Е., Каменева Л.Б., Евдокимова Г.Е., Смирнова И.Н. и др. // Правда. 1936. № 229 (6835). 20 августа. С. 3).

¹⁰⁶ Стенограммы данного контрпроцесса показывают, что это был не судебный процесс, а всего лишь деятельность некоей общественной комиссии, созданной сторонниками Троцкого для его оправдания в глазах общественного мнения. В нее вошло 11 ученых, профессоров, журналистов, деятелей рабочего движения из США и европейских стран. Среди них не было ни одного юриста. Председателем же комиссии стал американский общественный деятель и профессор философии Джон Дьюи. С 10 по 17 апреля 1937 г. было проведено 13 заседаний комиссии, на которых Троцкий рассказывал о своей деятельности и опровергал выдвинутые против него в Москве обвинения (Отчет Комиссии по расследованию обвинений, выдвинутых против Льва Троцкого на московских процессах // Контрпроцесс Троцкого: Стенограмма слушаний по обвинениям, выдвинутым на московских процессах 1930-х гг. / Пер. с англ. М., 2017. С. 49–577). Комиссия сделала вывод о том, что Троцкий никому не давал директив на совершение террористических актов и рекомендаций на вступление в

Эти действия Л.Д. Троцкого показывают, что он так и не понял подлинного смысла выдвинутых против него на открытых московских судебных процессах обвинений в совершении контрреволюционных преступлений. Он решил, что данные обвинения были направлены на его **личность**. Между тем сама по себе личность Троцкого не представляла для Сталина и его сторонников сколько-нибудь серьезной угрозы. Настоящей проблемой для политики, проводившейся сталинским руководством ВКП (б) с конца 1920-х годов и особенно активно с середины 1930-х годов, были **идеи и доктрины**, которые Троцкий в то время распространял и пропагандировал в своих речах, статьях и книгах. Составившие в своей совокупности идеологию революционного направления в большевизме они определяли воззрения и настроения самой влиятельной части советского правящего слоя — когорты «старых большевиков».

Массовые репрессии 1936–1938 годов обыкновенно рассматриваются в исторической и политико-публицистической литературе в отрыве от других явлений советской истории того времени и представляются в качестве самостоятельного феномена. «Это было преступление, — пишет о данном феномене историк О.В. Хлевнюк, — при помощи которого Сталин рассчитывал решить реально существовавшие проблемы, достичь вполне конкретных политических и социально-экономических целей, преодолеть противоречия избранной модели общественного развития»¹⁰⁷.

Какие же задачи решал Сталин репрессивными методами, с точки зрения О.В. Хлевнюка? Оказывается, вождь большевиков решал таким жестоким, кровавым способом проблемы не страны, а исключительно **свои личные**.

По словам историка, «при помощи репрессий Сталин, во-первых, укреплял свои политические позиции как единоличный вождь и диктатор, а во-вторых, решал все те проблемы, которые в демократическом обществе преодолеваются путем применения политических, экономических и лишь в крайнем случае административно-репрессивных мер. В 1937 г. Сталин наносил прежде всего удар по партии, явно намереваясь “очистить” ее от старых кадров

соглашение с иностранными государствами против СССР, отвергла все другие обвинения и вынесла вердикт, целиком оправдывающий Л.Д. Троцкого и его сына (Краткое заключение Комиссии по расследованию обвинений в адрес Л. Троцкого и его сына Л. Седова на московских процессах // Там же. С. 578–580).

¹⁰⁷ Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 75.

и привести к власти новое поколение, всецело преданное вождю. Старые коммунисты не устраивали “вождя” уже потому, что в их глазах он не был абсолютно непререкаемым авторитетом»¹⁰⁸.

Предложенное историком О.В. Хлевнюком объяснение феномена массовых репрессий 1936–1937 годов стремлением Сталина быстро решить кадровую проблему — сменить «старых большевиков» новыми партийными и государственными деятелями, сталинскими выдвигенцами, и потому более преданными вождю, часто встречается в последнее время в работах, посвященных репрессиям 1930-х годов в СССР. И для такого объяснения, казалось бы, есть основания. В 1935 году, как раз накануне периода массовых репрессий, Сталин провозгласил, что новым ориентиром в развитии страны является лозунг «кадры решают все»¹⁰⁹.

Потребность обновления кадрового состава партийного и государственного аппарата действительно стала в Советском Союзе к середине 1930-х годов острой, насущной, но не потому что Сталин поставил своей целью любыми способами укрепить свою личную власть. Для решения этой задачи Сталину не было никакой необходимости затевать массовые репрессии, тем более что личную власть вождя они могли скорей ослабить, чем укрепить, так как репрессивный аппарат в этих условиях легко выходил из-под его контроля.

Массовые репрессии действительно были использованы во второй половине 1930-х годов для решения конкретных задач и проблем, но это были задачи и проблемы не личного, а общественного и государственного характера — связанные с обеспечением жизненно важных интересов нашей страны. Именно поэтому накануне осуществления этих репрессивных операций, чрезвычайно жестоких и одновременно в высшей степени рискованных для Советского государства и лично для секретаря ЦК ВКП (б) Сталина, на посту прокурора СССР появился Андрей Януарьевич Вышинский.

---

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Выступая 4 мая 1935 г. В Кремлевском дворце перед выпускниками военных академий, Сталин сказал: «Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях “кадры решают все”» (Речь тов. Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии. 4 мая 1935 г. // Правда. 1935. № 123 (6369). 6 мая. С. 1.

5

Назначение А.Я. Вышинского руководителем государственного органа, предназначенного осуществлять высший надзор за точным исполнением законов всеми государственными учреждениями, должностными лицами и гражданами СССР, произошло вскоре после принятия ЦК ВКП (б) и VII съездом Советов СССР решения о начале конституционной реформы. Осуществить эту реформу первоначально планировалось путем внесения изменений в действовавшую тогда Конституцию СССР 1924 года, однако характер предложенных поправок подразумевал коренное преобразование Советского государства, придание ему новой социальной основы и новой системы органов государственной власти, создание правопорядка, соответствующего новым условиям социально-экономической и политической жизни советского общества. Все это предполагало отказ от ряда политических принципов, утвердившихся в результате Октябрьской революции 1917 года, формирование в СССР нового варианта официальной политической и правовой идеологии и существенное обновление кадрового состава советского правящего слоя.

Его ядро образовывали в то время большевики-революционеры, вступившие в большевистскую партию еще в дореволюционные годы и сформировавшиеся как партийные и государственные деятели во время Гражданской войны. Они, за редким исключением, не желали понять и принять, что за два десятилетия, прошедшие после революции, наша страна и внешний мир вокруг нее сильно изменились, что новому состоянию советского общества государство диктатуры пролетариата, сформировавшееся во время гражданской войны, ориентированное на борьбу с враждебными социальными группами внутри страны и на стимулирование мировой революции во внешней политике, уже не соответствовало.

Большевики-революционеры не отличались любовью к государственному порядку, ведь смысл их революционной деятельности заключался в разрушении существующего государства. Им было трудно признать, что для промышленной державы, в которую стремительно превращался Советский Союз, необходимо государство, подобное управляемому из одного центра слаженному управленческому механизму огромной экономической корпорации, причем действующему на основе законности, а не революционной целесообразности.

Большевики-революционеры не могли осознать, что мировая революция невозможна ни в ближайшей, ни в отдаленной перспективе, что в условиях нарастания внешних угроз уповать надлежит не на помощь мифического мирового пролетариата, а исключительно на собственные силы, на свой народ и свою страну, и потому необходимо создавать государство, способное организовать эффективную защиту от внешней агрессии; что соответственно этой задаче следует выстраивать официальную политическую идеологию на основе патриотизма, воспитывая население страны и особенно ее правящий слой в духе приверженности к своему Отечеству, прививая истинное знание и понимание его прошлого.

Все это означало, что при первых же попытках преобразовать Советское государство Сталин неминуемо столкнется с мощной оппозицией когорты влиятельных партийных и государственных деятелей. Так и случилось в действительности. Назначение А.Я. Вышинского прокурором СССР не просто совпало с первыми шагами Сталина в направлении конституционной реформы — оно стало прямым следствием конфликта, возникшего в связи с этой реформой. И как впоследствии оказалось, в определенном смысле это назначение стало ответом Сталина большевикам-революционерам, выступившим против его политики.

Преобразование Советского государства посредством конституционной и соответственно институциональной реформ, путем обновления кадрового состава советского правящего слоя и формирования нового варианта советской государственной и правовой идеологии, составляет **главное содержание советской истории второй половины 1930-х годов.**

Массовые репрессии 1936–1938 годов были частью этой грандиозной реформы, кровавой и чрезвычайно трагической ее частью. Поэтому и весь процесс преобразования Советского государства выглядит как трагедия. Но родившееся в этих трагических условиях новое Советское государство в 1940-е годы спасло нашу страну от уничтожения Западом в самой страшной, самой бесчеловечной в истории человечества войне.

Прокурор СССР А.Я. Вышинский стоял в центре всех основных событий, сопровождавших создание нового Советского государства. Самыми заметными среди них были открытые судебные процессы над высокопоставленными большевистскими деятелями, в которых Андрей Януарьевич выступал как государственный обвинитель. Но первым и самым важным из этих событий стала конституционная реформа, начавшаяся по инициативе Сталина в

первые месяцы 1935 года. Она создала юридическую модель нового Советского государства и юридически закрепила основные принципы соответствовавшей его сущности государственной и правовой идеологии. Для советского правящего слоя данная конституционная реформа стала моментом истины. В ходе обсуждения предложенных Сталиным нововведений выяснилось, что противоречия между большевистскими партийными и государственными деятелями во многих случаях обусловлены различиями не во мнениях, а в мировоззренческих установках, то есть данные противоречия носят принципиальный, фундаментальный характер.

Конституционная реформа многое объясняет в причинах и особенностях репрессий 1936–1938 годов, обрушившихся на большевистских партийных и государственных деятелей. Для Вышинского же она имела судьбоносное значение. Общая оценка его государственной деятельности на посту прокурора СССР была бы неполной и сильно искаженной, если бы мы прошли мимо этой реформы.

* * *

Трудно сказать, когда именно у Сталина возникли первые мысли о конституционной реформе, но постановление о созыве VII съезда Советов, на котором предполагалось обсудить вопрос о поправках в Конституцию СССР 1924 года, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло на заседании 25 июня 1934 года¹¹⁰.

Подготовка доклада по конституционным вопросам и вытекающего из него проекта постановления съезда была поручена секретарю Президиума ЦИК СССР А.С. Енукидзе. 10 января 1935 года Авель Софронович направил для обсуждения в ЦК ВКП(б) секретарю Сталину записку «Об изменении порядка выборов органов власти Союза ССР и союзных республик». В преамбуле к ее основному тексту Енукидзе отметил, что составил эту записку, основываясь на указаниях Сталина «о своевременности перехода к прямым выборам органов советской власти (от райисполкомов до ЦИК СССР)»¹¹¹. На самом деле Сталин рекомендовал Енукидзе изменить весь порядок выборов, установленный Конституцией 1924 года, предложив **прямые выборы** вместо

¹¹⁰ Протокол Политбюро ЦК ВКП (б) № 9 от 26 июня 1934 г. П.169/162: О сроке созыва и порядке дня VII съезда Советов СССР // РГАСПИ. Ф. Ф. 17. Оп. 3. Д. 947. Л. 40.

¹¹¹ Записка А.С. Енукидзе в ЦК ВКП (б) тов. Сталину об изменении порядка выборов органов власти Союза ССР и союзных республик. 10 января 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Сталин (наст. Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953). Оп. 1. Авторские документы. Д. 3275. Документы ЦК ВКП(б) и Конституционной Комиссии. Л. 3.

многостепенных, **одинаковые нормы для города и деревни** вместо неодинаковых¹¹², **тайное голосование** вместо открытого. Это означало отмену конституционных норм, юридически закреплявших диктатуру пролетариата.

А.С. Енукидзе не выполнил указание Сталина о введении в проект постановления съезда принципа тайного голосования, указав в своей записке, что «выборы органов советской власти производятся не на съездах Советов, а непосредственно прямым и **открытым** голосованием избирателей на их общих собраниях»¹¹³ (выделено мной. — В.Т.).

Такой порядок голосования был предусмотрен и в составленном Енукидзе проекте постановления VII съезда Советов СССР, причем в еще более жесткой формулировке, гласившей: «Признать целесообразным и своевременным переход к выборам районных, областных и краевых исполкомов, ЦИКов союзных и автономных республик и ЦИКа Союза ССР прямым и открытым голосованием избирателей непосредственно на избирательных собраниях, на которых избираются члены городских и сельских советов, с установлением одинаковых норм представительства для городского и сельского населения»¹¹⁴. Оригинальный текст этого документа показывает, что слово «прямым», дважды встречающееся в его тексте, было Сталиным подчеркнуто, а слово «открытым» было дважды зачеркнуто и заменено на слово «закрытым».

25 января 1935 года Сталин разослал членам и кандидатам в члены Политбюро записку Енукидзе со своим сопроводительным письмом, в котором сообщил, что «дело с Конституцией Союза ССР обстоит куда сложнее, чем это может показаться на первый взгляд»¹¹⁵. «Систему выборов, — убеждал он соратников, — надо менять не только в смысле уничтожения ее многостепенности. Ее надо менять еще в смысле замены открытого

¹¹² Статья 9 Конституции СССР 1924 г. предусматривала, что «Съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик составляется из представителей городских советов и советов городских поселений — по расчету 1 депутат на 25.000 избирателей и представителей губернских съездов советов по расчету 1 депутат на 125.000 жителей». Данная статья повторила статью 25 Конституции РСФСР 1918 г., гласившую: «Всероссийский съезд Советов составляется из представителей городских Советов по расчету 1 депутат на 25000 избирателей и представителей губернских съездов Советов по расчету 1 депутат на 125000 жителей».

¹¹³ Записка секретаря ЦИК СССР А.С. Енукидзе генеральному секретарю ЦК ВКП (б) И.В. Сталину. 10 января 1935 г. С. 573.

¹¹⁴ РГАСПИ. Ф. 558: Сталин (наст. Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953). Оп. 1: Авторские документы Д. 3275. Документы ЦК ВКП(б) и Конституционной Комиссии. Л. 2.

¹¹⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986). Оп. 2. Д. 249. Л. 1.

голосования закрытым (тайным) голосованием. Мы можем и должны пойти в этом деле до конца, не останавливаясь на полдороге. Обстановка и соотношение сил в нашей стране в данный момент таковы, что мы можем только выиграть политически на этом деле. Я уже не говорю о том, что необходимость такой реформы диктуется интересами международного революционного движения, ибо подобная реформа обязательно должна сыграть роль сильнейшего орудия, бьющего по международному фашизму»¹¹⁶. Сталин давал понять в этом письме, что на самом деле изменения должны затронуть не только порядок выборов, но и сами основы государственного строя. «Изменения в конституции, – утверждал Иосиф Виссарионович, – надо провести в двух направлениях: а) в направлении улучшения ее избирательной системы; б) в направлении уточнения ее социально-экономической основы»¹¹⁷. Он предложил поручить выступить на VII съезде Советов от имени ЦК ВКП (б) одному из членов Политбюро ЦК ВКП(б) и в качестве примера назвал фамилию Молотова.

Как видим, Сталин действовал очень осторожно: предлагая внести изменения, которые явно предполагали разработку новой Конституции СССР, он тем не менее представлял их всего лишь поправками в действующий Основной закон.

Состоявшийся 1 февраля 1935 года Пленум ЦК ВКП (б) постановил:

«1) Принять предложение т. Сталина об изменениях в конституции СССР в направлении: а) дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов равными, многостепенных – прямыми, открытых – закрытыми, б) уточнения социально-экономической основы конституции в смысле приведения конституции в соответствие с нынешним соотношением классовых сил в СССР (создание новой социалистической индустрии, разгром кулачества, победа колхозного строя, утверждение социалистической собственности, как основы советского общества и т. п.).

2) Поручить комиссии в составе т.т. Сталина, Молотова, Калинина, Кагановича и Енукидзе набросать проект постановления VII съезда Советов на основе предложений т. Сталина об изменениях в конституции СССР.

---

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же. Л. 2.

3) Поручить т. Молотову выступить на съезде советов и внести проект изменений конституции СССР от имени ЦК ВКП(б)¹¹⁸.

VII съезд советов Союза ССР, заслушав сообщение председателя СНК СССР В.М. Молотова о постановлении февральского 1935 года Пленума ЦК ВКП(б) «о необходимости внесения некоторых изменений в Конституцию Союза ССР»¹¹⁹, признал предложение ЦК ВКП(б) «вполне правильным и своевременным» и постановил внести в Конституцию СССР изменения в направлении, предложенном ЦК ВКП(б). Съезд предложил Центральному Исполнительному Комитету Союза ССР «избрать Конституционную комиссию, которой поручить выработать исправленный текст Конституции» на указанных основах и «внести его на утверждение Сессии ЦИК Союза ССР»¹²⁰.

В постановлении VII съезда Советов от 6 февраля 1935 года, как и в постановлении Пленума ЦК ВКП(б) от 1 февраля 1935 года, говорилось лишь о внесении изменений в Конституцию СССР 1924 года. Однако В.М. Молотов, выступая на съезде от имени ЦК ВКП (б), сделал заявление, которое выдавало намерение руководства большевистской партии совершить коренной переворот в советском государственном строе. «Пришло время, — сказал Вячеслав Михайлович, — когда страна Советов в целях дальнейшего укрепления советской системы может перейти к полному воплощению в жизнь всего того, что есть лучшего во всеобщем, прямом, равном и тайном избирательном праве на основе советского строя... Советы были и остаются основой нашего строя. Но то, что было лучшего в парламентаризме, а именно: прямые, равные и закрытые выборы представителей в органы государственного управления при всеобщем участии в этом всех трудящихся, как этого требует советская Конституция, должно быть теперь полностью проведено в Советском Союзе. Мы получаем, таким образом, дальнейшее развитие советской системы в виде соединения непосредственно выбранных

---

¹¹⁸ Выписка из протокола № 4 заседания Пленума ЦК от 1. II. 1935 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3275. Л. 13–14. При публикации информационного сообщения об этом Пленуме ЦК ВКП (б) в газете «Правда» не были приведены первые слова постановления «принять предложение т. Сталина об изменениях в конституции СССР». См.: Правда. 1935. № 32 (6278). 2 февраля. С. 1.

¹¹⁹ Об изменениях в советской конституции. (Доклад тов. В. Молотова на VII съезде советов — 6 февраля с.г.) // Правда. 1935. № 37 (6283). 7 февраля. С. 1–3.

¹²⁰ Постановление VII Съезда Советов Союза ССР о внесении некоторых изменений в Конституцию Союза ССР // Правда. 1935. № 37 (6283). 7 февраля. С. 1.

местных советов с непосредственными же выборами своего рода советских парламентов в республиках и общесоюзного советского парламента»¹²¹. Это высказывание Молотова не вписывалось в большевистскую доктрину диктатуры пролетариата, но вполне соответствовало мнению Сталина о возможности рабочего класса использовать элементы парламентаризма и буржуазной демократии «в его борьбе против угнетателей», которое было выражено им в Отчетном докладе о работе ЦК ВКП (б) XVII съезду¹²².

А.С. Енукидзе также выступил на съезде с докладом по конституционным вопросам, причем на день раньше В.М. Молотова¹²³, и предложил внести целый ряд изменений в Конституцию СССР 1924 года. Но это были поправки, которые уже принял ЦИК СССР в связи с реорганизацией системы центрального управления, Верховного суда СССР, созданием НКВД СССР и прокуратуры СССР как самостоятельного ведомства и т.д.

Постановление VII Съезда Советов СССР, принятое по докладу А.С. Енукидзе 5 февраля 1935 года, завершалось поручением ЦИКу СССР «издать новый текст Конституции (Основного Закона) Союза ССР со включением в него изменений», внесенных настоящим Постановлением, однако это поручение так и не было выполнено. Поправки, принятые VII съездом, были просто присоединены в виде изданного приложения к прежнему тексту Конституции СССР 1924 года. Издавать обновленный вариант действующего Основного закона в условиях, когда в действительности шла подготовка к созданию новой Конституции СССР, не имело смысла.

7 февраля 1935 года первая сессия ЦИК СССР на основании постановления VII съезда Советов от 6 февраля 1935 года приняла постановление об образовании Конституционной комиссии (под председательством И.В. Сталина) «для внесения некоторых изменений в Конституцию Союза ССР»¹²⁴. В ее состав вошел 31 человек. Шестым в списке членов комиссии, приведенном в постановлении, значился Вышинский А.Я. Постановлением ЦИК СССР комиссии было поручено «пересмотреть действующий текст Конституции

¹²¹ Об изменениях в советской конституции. (Доклад тов. В. Молотова на VII съезде советов — 6 февраля с. г.) // Правда. 1935. № 37 (6283). 7 февраля. С. 2.

¹²² Отчетный доклад товарища Сталина о работе ЦК ВКП (б) // XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января—10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 11.

¹²³ Доклад тов. А.С. Енукидзе по конституционным вопросам 5 февраля 1935 г. // Правда. 1935. № 36 (6282). 6 февраля. С. 3.

¹²⁴ Правда. 1935. № 38 (6284). 8 февраля. С. 1.

Союза ССР и внести новый текст Конституции на утверждение одной из сессий Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР»¹²⁵.

Преобразование советского государственного строя, предполагавшее формирование представительных органов государственной власти на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании, могло произойти только путем отмены Конституции СССР 1924 года и принятия вместо нее нового Основного закона. Сталин не скрывал от своих ближайших соратников намерения действовать именно в этом направлении, однако не спешил предпринимать какие-либо практические шаги для его осуществления. По реакции членов ЦК ВКП (б), и в особенности секретаря ЦИК СССР А.С. Енукидзе, Иосиф Виссарионович понял, что столкнется на этом пути с упорным сопротивлением со стороны многих влиятельных большевиков-революционеров.

22 февраля 1935 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О проверке личного состава аппарата ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР», которым комиссии под председательством Н.И. Ежова поручалось «проверить личный состав аппарата ЦИКа СССР и ВЦИКа РСФСР, имея ввиду наличие элементов разложения в аппарате и обеспечение полной секретности всех документов ЦИКа и ВЦИКа»¹²⁶. Данный аппарат находился в ведении А.С. Енукидзе. Сталин решил освободить своего бывшего друга от должности секретаря Президиума ЦИК СССР и тем самым лишить его возможности влиять в какой-либо степени на осуществление конституционной реформы.

3 марта 1935 года вышло Постановление ЦИК Союза ССР «Об освобождении тов. Енукидзе А.С. от обязанностей секретаря ЦИК Союза ССР». Другим постановлением ЦИК, изданным в тот же день, новым секретарем ЦИК СССР был утвержден И.А. Акулов. ЦИК освободил Акулова от обязанностей прокурора Союза ССР и назначил на этот пост А.Я. Вышинского. Все эти постановления ЦИК СССР были опубликованы вместе на первой странице газеты «Правда» под редакционной статьей с примечательным названием «Твердый, незыблемый закон»¹²⁷.

7 июля 1935 года состоялось первое заседание Конституционной комиссии, избранной ЦИК СССР за пять месяцев до этого — 7 февраля. Были выдвинуты

---

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 - декабрь 1936. М., 2003. С. 617.

¹²⁷ Правда. 1935. № 62 (6308). 4 марта. С. 1.

заместители председателя комиссии (В.М. Молотов и М.И. Калинин), секретарь и заместитель секретаря и созданы 12 подкомиссий «по подготовке проектов изменений Конституции»¹²⁸. А.Я. Вышинский возглавил подкомиссию судебных органов и позднее был утвержден рядовым членом правовой подкомиссии¹²⁹, председателем которой был назначен Н.И. Бухарин. Сталин возглавил Комиссию и две подкомиссии — по общим вопросам Конституции и редакционную, состоявшую из председателей подкомиссий.

В седьмом пункте решения, принятого на первом заседании Конституционной комиссии, было предписано: «Поручить подкомиссиям в 2-х месячный срок представить каждой по своей области первые наброски проектов изменений Конституции Союза ССР»¹³⁰, то есть о создании новой Конституции СССР еще не говорилось.

Однако сам факт создания 12 подкомиссий с такими названиями, как «экономическая», «финансовая», «правовая», «по избирательной системе», «судебных органов», «центральных и местных органов власти», «народного образования», «труда», «обороны», «внешних дел» указывал на то, что в действительности Конституционная комиссия была сформирована не для составления отдельных поправок в действующий основной закон, а с целью разработки проекта принципиально новой Конституции СССР. Два пункта рассматриваемого решения Конституционной комиссии содержали поручения, явно подразумевавшие работу над новой Конституцией. Так, четвертый пункт обязывал тов. Радека «организовать перевод и издание существующих конституций и основных законоположений главных буржуазных государств, как буржуазно-демократического типа, так и фашистского и разослать их членам Конституционной комиссии»¹³¹, а пятый — поручал товарищам Бухарину, Мехлису и Радеку «организовать крити-

---

¹²⁸ Протокол № 1 заседания Конституционной комиссии для внесения изменений в Конституцию Союза ССР, избранной 1-й сессией ЦИК Союза ССР VII созыва, 7 февраля 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3275. Документы ЦК ВКП(б) и Конституционной Комиссии. Л. 15.

¹²⁹ В нее были включены также Н.В. Крыленко и Е.Б. Пашуканис. См.: Список членов подкомиссии по правовым вопросам, представленный тов. Бухариным // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3275. Л. 28.

¹³⁰ Протокол № 1 заседания Конституционной комиссии для внесения изменений в Конституцию Союза ССР. Л. 16.

¹³¹ Там же.

ческий разбор конституций основных буржуазных стран на страницах печати»¹³².

В докладе о проекте Конституции Союза ССР на чрезвычайном VIII съезде Советов Союза ССР И.В. Сталин не стал объяснять, когда и почему Конституционная комиссия, выполняя поручение VII съезда Советов Союза ССР исправить действовавшую Конституцию, приняла решение создать проект новой Конституции. «Конституционной Комиссии, — сказал он, — было поручено внести изменения в текст Конституции 1924 года. В результате работы Конституционной Комиссии получился новый текст Конституции, проект новой Конституции СССР»¹³³.

Указанные факты позволяют сделать вывод о том, что Конституционная комиссия изначально предназначалась для разработки проекта новой Конституции СССР, но Сталин не стал объявлять об этом публично до завершения ее деятельности. И для этого имелись серьезные основания.

К осени 1935 года выяснилось, что разногласия среди членов Конституционной комиссии настолько велики, что составить в ее рамках единый проект Конституции СССР не получится. Некоторые члены Комиссии хотели бы восстановить в Конституции декларацию и договор об образовании СССР, другие предлагали оставить в ней прежние принципы избирательного права. Вследствие этого Сталин как председатель Конституционной комиссии распорядился поручить составление проекта новой Конституции СССР заведующему Отделом партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) А.И. Стецкому (в Конституционной комиссии он являлся членом подкомиссии по общим вопросам), заместителю заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК ВЕП (б) А.Я. Яковлеву (члену экономической комиссии) и ответственному редактору журнала «Большевицкая печать» Б.М. Талю. В работе по составлению текста проекта Конституции СССР активное участие принимал и сам Сталин, неоднократно встречавшийся весной 1936 года с указанными лицами.

15 мая 1936 года Конституционная комиссия рассмотрела проект новой Конституции СССР, представленный редакционной подкомиссией, «установила его окончательный текст и постановила внести его на

---

¹³² Там же.

¹³³ Чрезвычайный VIII съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября — 5 декабря 1936 г. Бюллетень № 1. Заседание первое. Вечернее, 25 ноября 1936 г. М., 1936. С. 14.

рассмотрение ближайшей сессии Центрального Исполнительного Комитета СССР»¹³⁴. 1 июня 1935 года проект новой Конституции СССР был одобрен Пленумом ЦК ВКП (б).

11 июня 1936 года Президиум ЦИК СССР своим постановлением выразил одобрение проекту Конституции СССР и принял решение созвать 25 ноября 1936 года Всесоюзный съезд советов для его рассмотрения. В последнем пункте постановления было предписано: «Опубликовать проект Конституции Союза ССР для всенародного обсуждения»¹³⁵.

Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР длилось немногим более пяти месяцев и завершилось 21 ноября 1936 года. Руководители партийных организаций, за редким исключением, не приняли в нем участия, продемонстрировав тем самым Сталину свое недовольство этим документом.

Вечером 25 ноября 1936 года открылось первое заседание чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР. С докладом о проекте Конституции СССР выступил Сталин¹³⁶. На утреннем заседании 26 ноября началось рассмотрение поправок. Прения продолжались до вечернего заседания 1 декабря.

4 декабря Пленум ЦК ВКП (б) единогласно утвердил текст проекта Конституции.

Вечером 5 декабря 1936 года состоялось последнее заседание VIII съезда Советов, на котором было единогласно принято постановление: «Проект Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик в редакции, представленной Редакционной Комиссией Съезда, утвердить»¹³⁷.

Как видим, новая Конституция СССР была разработана и принята в течение полутора лет, причем без острых дискуссий и явных конфликтов. Это не означало, однако, что весь правящий слой Советского Союза смирился с этой конституцией и был готов принять ее в качестве Основного закона. Целый ряд положений новой Конституции СССР большевики-революционеры восприняли как отказ Сталина от завоеваний пролетарской революции,

---

¹³⁴ Правда. 1936. № 134 (6740). 17 мая. С. 1.

¹³⁵ Правда. 1936. № 160 (6766). 12 июня. С. 1.

¹³⁶ Доклад тов. Сталина И. В. на Всесоюзном VIII Съезде Советов о проекте Конституции Союза ССР // Чрезвычайный VIII съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября—5 декабря 1936 г. Бюллетень № 1. С. 7–34.

¹³⁷ Чрезвычайный VIII съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября—5 декабря 1936 г. М., 1936. Бюллетень № 12. С. 38.

давшей им власть. Их настроения лучше всего выразил Л.Д. Троцкий в книге с провокационным названием «Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет?», написанной летом 1936 года и изданной осенью того же года на русском и французском языках¹³⁸. «В области политической отличием новой конституции от старой, — отмечал он, — является возвращение от советской системы выборов, по классовым и производственным группировкам, к системе буржуазной демократии, базирующейся на так называемом “всеобщем, равном и прямом” голосовании атомизированного населения. Дело идет, короче говоря, о **юридической ликвидации диктатуры пролетариата**» (выделено мной. — В.Т.).

Конституция СССР 1924 года представляла собой юридическую модель государства, ориентированного на мировую революцию и предназначенного способствовать объединению всех трудящихся в едином государственном союзе. Эта цель формулировалась в ней таким образом, чтобы не возникало никаких сомнений в том, что она будет достигнута. В Декларации об образовании Союза Советских Социалистических Республик, составившей первый раздел данной Конституции, утверждалось, что «новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 года основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику»¹³⁹.

Конституция СССР 1924 года закрепляла договорный характер объединения советских республик в одно государство с довольно большой их самостоятельностью. В состав новой Конституции ни декларация, ни договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик не вошли, поэтому Советское государство утратило договорный характер¹⁴⁰.

Вместе с тем Конституция СССР 1924 года была фундаментальным законом государства, и по социальной основе, и по официальному названию,

---

¹³⁸ Об изданиях этой книги, ее содержании и реакции на него в СССР см. в статье: *Томсинов В.А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954): государственный деятель и правовед. Статья 17 // Законодательство. 2018. № 12. С. 79–87.*

¹³⁹ Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1924. С. 5.

¹⁴⁰ Это означает, что после введения в действие Конституции СССР 1936 г. существование СССР не могло быть юридически прекращено расторжением Договора о его образовании.

воплощавшему идею «диктатуры пролетариата». Незыблемость основ советской власти торжественно провозглашалась в самом первом ее положении.

В новой Конституции Советский Союз стал определяться как «социалистическое государство рабочих и крестьян». В докладе на чрезвычайном VIII съезде Советов Союза ССР И.В. Сталин заверял, что «проект новой Конституции действительно оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение Коммунистической партии СССР»¹⁴¹, однако термин пролетариат он считал неуместным употреблять в отношении советских рабочих, поскольку они перестали быть эксплуатируемым классом.

Многие члены Конституционной комиссии и среди них такие известные и влиятельные большевистские руководители, как Н.И. Бухарин и Н.В. Крыленко, выступили против предложенного Сталиным одинакового представительства рабочих и крестьян в Советах, формирования представительных органов государственной власти на основе «всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании».

В докладе на чрезвычайном VIII съезде Советов СССР Сталину пришлось специально объяснять, почему он не может согласиться с поправками к проекту новой Конституции, закрепляющими лишение или ограничение избирательных прав «служителей культа, бывших белогвардейцев, всех бывших людей и лиц, не занимающихся общепольным трудом». «Советская власть, — напоминал он, — лишила избирательных прав нетрудовые и эксплуататорские элементы не на веки вечные, а временно, до известного периода. Было время, когда эти элементы вели открытую войну против народа и противодействовали советским законам. Советский закон о лишении их избирательного права был ответом Советской власти на это противодействие. С тех пор прошло немало времени. За истекший период мы добились того, что эксплуататорские классы уничтожены, а Советская власть превратилась в непобедимую силу. Не пришло ли время пересмотреть этот закон? Я думаю, что пришло время. Говорят, что это опасно, так как могут пролезть в верховные органы страны враждебные Советской власти элементы, кое-кто из бывших

---

¹⁴¹ Чрезвычайный VIII съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября — 5 декабря 1936 г. М., 1936. Бюллетень № 1. С. 23.

белогвардейцев, кулаков, попов и т. д. Но чего тут, собственно, бояться? Волков бояться, в лес не ходить»¹⁴².

Сталин был убежден в своей правоте и говорил уверенно, как будто изрекал аксиомы. Между тем донесения, поступавшие к нему из разведывательных органов, как советских, так и иностранных, такого оптимизма не внушали, даже напротив — вселяли тревогу. Так, в одном из таких донесений, датированном концом 1935 года, сообщалось, что для оппозиционных групп в СССР «новый курс Сталина, с его призывами к любви к Отечеству, к национальным чувствам, с его поисками каких-то путей примирения с русским народом, с теми скромными уступками, на которые идет власть, представляется **изменой принципам мировой революции**»¹⁴³ (выделено мной. — В.Т.). Далее приводился факт, на который нельзя было не обратить внимания: «Сила этой оппозиции заключается не только в ее фанатизме и в приемах усвоенной ею борьбы, но и в близости к самой власти, ибо она имеет своих сторонников и на верхах партии, и в рядах Красной армии, и даже в составе ГПУ»¹⁴⁴.

6

Феномен «сталинских репрессий» второй половины 1930-х годов невозможно разгадать, если смотреть на него с точки зрения советской официальной политической идеологии, согласно которой к 1937 году в СССР было создано мощное социалистическое государство, опирающееся на общественную собственность на средства производства и на общественный строй, в котором нет классовых привилегий, а значит отсутствуют прежние экономические и политические противоречия между социальными группами. В докладе о проекте новой Конституции СССР на VIII Съезде Советов Сталин, указав на коренные перемены в характере советского общества, констатировал: «В результате мы имеем теперь вполне сложившееся и выдержавшее все испытания многонациональное социалистическое государство, прочности которого могло бы позавидовать любое национальное государство в любой

¹⁴² Там же. С. 31–32.

¹⁴³ Служебная записка начальника РУ РККА С.П. Урицкого наркомун обороны СССР К.Е. Ворошилову с приложением агентурного материала о формировании антисоветской коалиции и ее планах войны против СССР. 7 декабря 1935 года Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. За. Д. 740. Л. 173–174.

¹⁴⁴ Там же. Л. 174.

части света»¹⁴⁵. Новая Конституция СССР была представлена Сталиным в качестве итога пройденного Советским государством пути, «регистрацией и законодательным закреплением того, что уже добыто и завоевано на деле»¹⁴⁶.

Массовые репрессии не укладывались в эту благостную картину и казались беспричинными, лишенными каких-либо объективных оснований. Их нетрудно было поэтому приписать злой воле одного Сталина, то есть объявить «сталинскими» репрессиями, что и было сделано в докладе Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях»¹⁴⁷.

В действительности Советское государство середины 1930-х годов не было ни эффективным в проведении своей политики, ни прочным и устойчивым. Конституция СССР 1936 года создавала лишь новую юридическую модель, которую еще необходимо было наполнить реальным содержанием и тем самым привести в движение.

Задачи, которые предстояло решать новому Советскому государству, имели судьбоносное значение для нашей страны. Внешние опасности, с которыми Советский Союз начал сталкиваться в 1935–1936 годах, несли угрозу самому его существованию как независимой державы. Германия, Польша, Финляндия, Япония перевооружали и увеличивали свои армии, особо не скрывая захватнических планов по отношению к нашей стране, для достижения которых формировали межгосударственный союз – «коалицию агрессоров». В агентурном материале, переданном в декабре 1935 года из разведывательного управления РККА наркомун обороны СССР К.Е. Ворошилову, сообщалось: «За последние два с половиной–три года вокруг Советской России, как на ее западных границах, так и на Дальнем Востоке постепенно складывалась международная обстановка, которая учитывала процесс разложения советской власти, ход хозяйственного разгрома страны и ослабление ее сопротивляемости. Япония, при первых попытках своего продвижения в Маньчжурию, в предвидении того сопротивления, которое она могла встретить со стороны советской власти, попыталась найти себе союзницу

---

¹⁴⁵ Доклад тов. Сталина И. В. на Всесоюзном VIII Съезде Советов о проекте Конституции Союза ССР. 25 ноября 1936 г. // Чрезвычайный VIII съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября – 5 декабря 1936 г. Бюллетень № 1. Заседание 1-е. М., 1936. С. 14.

¹⁴⁶ Там же. С. 15.

¹⁴⁷ См. об этом: *Томсинов В.А.* Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954): государственный деятель и правовед. Статья семьдесят третья. Прокурор СССР А.Я. Вышинский и феномен «сталинских репрессий»: итоговые размышления и выводы. Продолжение // Законодательство. 2023. № 8. С. 81–82.

на случай вооруженного столкновения с СССР в лице Польши... Последовавшее вскоре после этого сближение между Германией и Польшей, закончившееся особым соглашением, имело главным своим содержанием планы, направленные против Советского Союза. Острые и жизненные антагонизмы между интересами Польши, в частности, вопрос о Данциге и коридоре, должны были быть отсрочены с тем, чтобы получить окончательное разрешение в порядке известных компенсаций за счет Советской России. Литва и прибалты в лице Латвии и Эстонии должны были по служить в качестве материала для таких территориальных компенсаций. Дальнейшие планы Германии имели в виду найти на территории России свободные пространства для немецкой колонизации, а также захватить, в по рядке концессий, богатые естественные ресурсы страны... За последние месяцы к этой трехчленной коалиции, — Германия, Польша, Япония — присоединилась также Финляндия, у которой также, в предвидении неизбежного разгрома Советской власти и распада страны, созрели планы экспансии на восток за счет Карелии... Таким образом, постепенно, по частям создалась та коалиция, которая поставила своей задачей военный разгром Советской власти и захват ее территории и экономических центров»¹⁴⁸.

Для противостояния столь опасной угрозе Советскому Союзу была необходима хорошо вооруженная армия, а значит мощная индустриальная экономика. И такая экономика стремительно создавалась с конца 1920-х годов. Но построенными в ходе интенсивной индустриализации тысячами предприятий надо было управлять. При этом государственное управление, направляемое из одного властного центра, призвано было охватывать не только экономическую, но и все другие сферы советского общества: здравоохранение, образование, культуру и т.д.

Создание государственного и партийного аппарата, соответствующего новому уровню развития советского общества и новым задачам Советского государства во внутренней и внешней политике, стало в середине 1930-х годов главной, жизненно важной для нашей страны необходимостью. Вследствие целого ряда особенностей экономического, политического и культурного

---

¹⁴⁸ Служебная записка начальника РУ РККА С.П. Урицкого наркомму обороны СССР К.Е. Ворошилову с приложением агентурного материала о формировании антисоветской коалиции и ее планах войны против СССР от 7 декабря 1935 г. // Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф. 33987. Оп. За. Д. 740. Л. 169 – 170.

развития советского общества с момента его возникновения достичь этой цели было чрезвычайно трудно.

В своих последних работах В.И. Ленин с большим огорчением признавал, что за время, прошедшее после революции, в советской России так и не удалось создать ни настоящий государственный аппарат — систему управленческих органов, ни когорту государственных служащих, способных работать эффективно и на благо народа, то есть в соответствии с предназначением Советского государства. Состояние сферы советского государственного управления было удручающим.

6 января 1923 года, диктуя Н.К. Крупской свои мысли о кооперации, Владимир Ильич отметил: «Перед нами являются две главные задачи, составляющие эпоху. Это — задача переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится и который перенят нами целиком от прежней эпохи; переделать тут серьезно мы ничего за пять лет борьбы не успели и не могли успеть»¹⁴⁹.

2 марта 1923 года В.И. Ленин продиктовал статью «Лучше меньше, да лучше», в которой дал еще более резкую характеристику советскому государственному управлению. «Вреднее всего, — указал он, — было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем, или на то, что у нас есть сколько-нибудь значительное количество элементов для построения действительно нового аппарата, действительно заслуживающего названия социалистического, советского и т. п. Нет, такого аппарата и даже элементов его у нас до смешного мало, и мы должны помнить, что для создания его не надо жалеть времени и надо затратить мною, много, много лет»¹⁵⁰. Закончил же Ленин эту статью категорическим и весьма тревожным выводом: «Лишь посредством максимальной чистки нашего аппарата, посредством максимального сокращения всего, что не абсолютно необходимо в нем, мы в состоянии будем удержаться наверняка. И притом мы будем в состоянии удержаться не на уровне мелкокрестьянской страны, не на уровне этой всеобщей ограниченности, а на уровне, поднимающемся неуклонно вперед и вперед к крупной машинной индустрии»¹⁵¹.

---

¹⁴⁹ Ленин В.И. О кооперации // Правда. 1923. № 116. 27 мая. С. 1.

¹⁵⁰ Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше // Правда. 1923. № 49. С. 2.

¹⁵¹ Там же. С. 3.

Государственный аппарат, сложившийся в СССР к середине 1930-х годов, не избавился от пороков, которые видел в нем в 1923 году В.И. Ленин. Но к ним добавилось нечто значительно более уродливое и опасное для Советского государства: за десятилетие, прошедшее после смерти Ленина, советский государственный аппарат, бывший изначально оплотом большевиков-революционеров, превратился в сплоченную могущественную социальную силу, способную противостоять высшему руководству ВКП (б). В отчетном докладе Центрального комитета XVII съезду ВКП (б) Сталин назвал эту социальную силу «вельможами-бюрократами» и «переродившимися людьми» и призвал снимать их с руководящих постов, несмотря на прошлые заслуги¹⁵².

Подобная метаморфоза, но в еще более явных и неприглядных формах произошла и с партийным аппаратом. Профессиональные партийные функционеры превратились в касту персон, которые почти бесконтрольно распоряжались материальными ресурсами вверенных им республик, краев, областей, районов. Они могли творить почти любой произвол по отношению к местному населению и действительно его творили.

Для секретаря ЦК ВКП (б) Сталина партийные функционеры представляли собой весьма опасную силу, так как многие из них входили в состав высших партийных органов и могли влиять на их решения. По этой причине Сталин, который часто и довольно резко критиковал партийных бюрократов, все же не спешил снимать их с должностей. Широкомасштабное обновление кадрового состава партийного аппарата ВКП (б) произошло, в сущности, только в 1937–1938 годах, то есть в период массовых репрессий.

Парадоксальность так называемых сталинских репрессий заключалась в том, что они были направлены прежде всего на партийный аппарат, который сам выступал одним из инструментов репрессивной политики. Подобным же образом и органы внутренних дел, являясь главным орудием

---

¹⁵² «Это люди с известными заслугами в прошлом, — говорил Сталин, — люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. Это те самые люди, которые не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают, таким образом, основы партийной и государственной дисциплины» (Отчетный доклад товарища Сталина о работе ЦК ВКП (б) // XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 34. См. подробнее об этом: *Томсинов В.А.* Андрей Януарьевич Вышинский (1883 — 1954): государственный деятель и правовед. Статья седьмая // Законодательство. 2018. № 2. С. 87–89.

массовых репрессий, были одновременно и одним из основных объектов репрессивных операций.

Участие прокуратуры в осуществлении репрессий умножало хаос в государственной репрессивной политике.

1 июня 1938 года Вышинский издал приказ по Прокуратуре СССР, в котором обобщил сведения о работе вверенного ему учреждения за 1937 год. «В Омской области, – отметил он, – прокуратурой было арестовано по обвинению в к.-р. преступлениях свыше 100 членов партии. Проверка, проведенная ранее партколлегией по Омской области, а затем специально направленным туда представителем Прокуратуры Союза, установила, что все эти аресты были произведены органами прокуратуры без каких-либо оснований, в результате преступного нарушения самими прокурорами революционной законности. После проверки этих дел громадное большинство арестованных было освобождено без всяких последствий, просидев незаконно по несколько месяцев в тюрьме. К этому надо добавить, что Омская прокуратура, незаконно арестовав ничем неопороченных членов партии, допустила при этом грубейшие нарушения закона также и в отношении их семей (выселение из квартиры, снятие с работы и т. д.). Работники прокуратуры, виновные в этих безобразиях, отданы под суд»¹⁵³.

Далее Вышинский сообщил, что аналогичные преступления в деятельности органов прокуратуры вскрыты в Орджоникидзевском крае, где, по его словам, «некоторые прокуроры, в частности прокурор Ново-Александровского р-на Елистратов и следователь Хуринов, в извращениях революционной законности дошли до прямых вражеских действий, искусственно создавая дела по обвинению граждан в к. -р. преступлениях, не останавливаясь перед прямым вымогательством показаний путем применения к арестованным угроз и насилия»¹⁵⁴.

Приказом прокурора СССР Елистратов и Хуринов были сняты со своих должностей, арестованы и преданы суду. За неприятие своевременно должных мер по недопущению подобного рода явлений, за бездействие и попустительство таким преступлениям с работы был снят со своего поста и прокурор Орджоникидзевского края Страхов.

---

¹⁵³ Приказ А.Я. Вышинского по Прокуратуре Союза ССР № 574/25с. О существенных недостатках в работе органов прокуратуры за 1937 г. 1 июня 1938 г. // Государственный архив Волгоградской области (далее: ГАВО). Ф. 6466. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

¹⁵⁴ Там же.

Указав в приказе на меры, принятые по отношению к работникам прокуратуры, совершившим правонарушения, Вышинский заявил: «Таких примеров преступной, по существу вражеской работы отдельных прокуроров по привлечению к уголовной ответственности в распоряжении Прокуратуры СССР имеется значительное количество. Однако, и приведенных примеров достаточно для того, чтобы каждый честный прокурор-большевик понял необходимость решительного исправления ошибочной, а в ряде случаев и прямо преступной практики, связанной с привлечением к уголовной ответственности и с возбуждением уголовных дел. Все эти факты говорят о чрезвычайно болезненных явлениях в работе органов прокуратуры, совершенно нетерпимых и подлежащих немедленному и самому решительному искоренению...

Каждый прокурор должен помнить о своей ответственности перед партией и советским законом как за необоснованные аресты и привлечение граждан к уголовной ответственности, так и за попустительство и бездействие в отношении действительных преступников»¹⁵⁵.

Превращая партийный аппарат в орудие репрессий, Сталин не мог не сознавать, что партийные функционеры будут использовать репрессивную политику в собственных эгоистических интересах, но вряд он ожидал, что репрессивное своеволие партийных секретарей примет настолько громадные масштабы, что придется принимать специальные меры для его ограничения.

29 октября 1937 года заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП (б) Г.М. Маленков направил И.В. Сталину проект закрытого письма ЦК ВКП (б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП (б) и о мерах по устранению этих недостатков». Иосиф Виссарионович, возмущенный этими фактами, с раздражением начертил на сопроводительном письме Маленкова: «Два типа: 1) Тип карьериста-коммуниста, желающего отличиться и выдвинуться на исключенных и вообще репрессиях. Заклеймить его. 2) Тип утонченного врага, желающих криками о бдительности замаскировать свою враждебность и сохраниться — это, во-первых, и — во-вторых, желающего путем проведения бдительности и мер репрессий — истребить наши большевистские кадры,

---

¹⁵⁵ Там же. Л. 50.

посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах. Истребить его!»¹⁵⁶.

Сталина возмутило проявление партийными функционерами и работниками органов внутренних дел чрезмерного рвения в поиске врагов народа среди своих соратников, причем рвения, ничем не оправданного, которое нельзя объяснить было ничем, кроме как стремлением удовлетворить свои чисто личные интересы и амбиции. Слова «*заклеймить его*», «*истребить его*» выразили крайнюю степень негодования Сталина по отношению к таким персонам.

Постановление Пленума ЦК ВКП (б), принятое 18 января 1938 года на основе проекта, составленного Г.М. Маленковым и согласованного со Сталиным, обязало обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий и все партийные организации «решительно покончить с массовыми, огульными исключениями из партии и установить на деле индивидуальный, дифференцированный подход при решении вопросов об исключении из партии или о восстановлении исключенных в правах членов партии»¹⁵⁷. Партийных руководителей, не выполняющих директив ЦК ВКП (б), исключаящих из партии членов и кандидатов ВКП (б) «без тщательной проверки всех материалов» и допускающих тем самым «произвол по отношению к членам партии» Пленум ЦК ВКП (б) предписал «снимать с партийных постов и привлекать к партийной ответственности»¹⁵⁸.

Данное постановление пленума ЦК ВКП (б) в какой-й степени защитило коммунистов от произвола партийных секретарей, но оно не могло спасти рядовых членов партии и руководителей партийных комитетов от произвола работников НКВД. Массовые репрессии, неразрывно связанные с проявлениями личных амбиций, пристрастий, корыстных интересов следователей, прокуроров, судей, принимали бесконтрольный, стихийный характер, ввергая советское общество в гражданскую войну. Что можно было противопоставить этому ужасному общественному бедствию? Если нельзя

---

¹⁵⁶ Замечания И.В. Сталина на записке Г.М. Маленкова от 29 октября 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 9. Л. 11. На основании этого проекта Пленум ЦК ВКП (б) 18 января 1938 г. Принял постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП (б) и о мерах по устранению этих недостатков» См.: Правда. 1938. № 19 (7244). 19 января. С. 1-2..

¹⁵⁷ Там же. С. 2.

¹⁵⁸ Там же.

было обойтись без репрессий, то как надо было действовать, чтобы они не превращались в кровавую стихию, не разрушали окончательно советскую государственность, а напротив, способствовали ее укреплению, восстанавливая в обществе дисциплину и порядок, прививая уважение к государственной власти?

Думается, вполне убедительные ответы на эти вопросы дает прокурорская деятельность Андрея Януарьевича Вышинского в 1937–1938 годах.

Не выступая открыто против массовых репрессивных операций, проводившихся по решению Политбюро ЦК ВКП (б) органами НКВД СССР с августа 1937 года до середины ноября 1938 года (несомненно, весьма плачевной была бы участь того прокурора, кто выступил бы против них смело и открыто), а репрессии против видных большевиков-революционеров даже поддерживая (и явно по убеждению), А.Я. Вышинский прилагал огромные усилия, чтобы репрессивная волна не вышла из предусмотренных для нее берегов и не вызвала новую гражданскую войну.

И, кажется, он сумел найти ту границу, которую в осуществлении репрессий преступать было нельзя, если целью репрессивной политики являлось упрочение, а не разрушение государства. Об этом свидетельствуют составленные и написанные Вышинским на протяжении 1937-1938 годов многочисленные директивы, циркуляры, приказы по Прокуратуре Союза ССР, жалобы, обращения, письма Сталину и Молотову, а также комплекс других документов.

14 января 1938 года прокурор СССР А.Я. Вышинский издал циркуляр, содержание которого вряд ли надо пояснять. «В ряде мест, — сообщалось в этом документе, — наблюдаются факты неправильного увольнения с работы родственников лиц, арестованных за контрреволюционные преступления. В соответствии с данными по этому вопросу ЦК ВКП(б) и СНК СССР указаниями о неправильности увольнения с работы лишь по мотивам родственной связи с арестованными приказываю:

1. При поступлении таких жалоб тщательно проверять, является ли причиной увольнения лишь родственная связь с указанными выше лицами или же к тому имеются другие — законные — основания.

2. В случае, если будет установлено, что увольнение с работы имело место лишь по причине родственной связи с арестованным за контрреволюционные преступления, немедленно принимать меры к восстановлению на работе. В

особо злостных случаях привлекать к ответственности руководителей учреждений и предприятий, виновных в незаконном увольнении.

3. Строго следить за тем, чтобы записи в трудовых списках о причинах увольнения производились в соответствии с формулировками, приведенными в Кодексах законов о труде Союзных республик, не допуская формулировок порочащего характера (“за связь с врагом народа”, “по причине политического недоверия” и т. п.)»¹⁵⁹.

25 февраля 1938 года прокурор СССР А.Я. Вышинский издал следующий приказ: «Данные, имеющиеся в распоряжении Прокуратуры Союза ССР, свидетельствуют о том, что в целом ряде случаев районные прокуроры неправильно возбуждают дела о контрреволюционных преступлениях. В целях перестраховки дела об обычных должностных и хозяйственных преступлениях заведомо неправильно квалифицируются по ст. ст. 58-7, 58-11, 58-14 и др. УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. Кроме того, районные прокуроры в ряде случаев производят аресты должностных лиц районов, сельсоветов, колхозов и предприятий без достаточных к тому оснований. В целях прекращения практики неправильного возбуждения дел о контрреволюционных преступлениях и неосновательных арестов приказываю:

1. Районным прокурорам не допускать возбуждения уголовного преследования по делам о контрреволюционных преступлениях без предварительной санкции областных (краевых) прокуроров или прокуроров союзных и автономных республик. При наличии достаточных оснований для возбуждения уголовного преследования по делам о контрреволюционных преступлениях, районные прокуроры обязаны немедленно испрашивать предварительную санкцию у вышестоящих прокуроров.

2. Не допускать производства арестов районными прокурорами по всем делам, расследуемым органами прокуратуры, иначе, как с предварительной санкции областных (краевых) прокуроров или прокуроров союзных и автономных республик.

3. Прокурорам союзных и автономных республик, областным (краевым) прокурорам, под их личную ответственность, обеспечить точное и неуклонное

---

¹⁵⁹ Циркуляр Прокурора Союза ССР А.Я. Вышинского № 1/001515. О фактах неправильного увольнения с работы родственников лиц, арестованных за контрреволюционные преступления. 14 января 1938 г. // Государственный архив Волгоградской области (далее: ГАВО). Ф. Р-6466. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.

выполнение настоящего приказа и систематическое наблюдение за ходом расследования в районах дел о контрреволюционных преступлениях»¹⁶⁰.

23 июня 1938 года прокурором СССР был издан приказ о грубейших нарушениях законности прокурорскими работниками Смоленской области. Его содержание хорошо отражает стиль действий Вышинского в условиях, когда руководство ВКП (б) еще продолжало политику массовых репрессий. Данный приказ гласил: «Проверка работы прокуратуры Смоленской области по делам о к. р. вредительстве и саботаже показала, что Смоленская прокуратура допустила массовое безосновательное привлечение к ответственности по признакам ст.ст.58-7-11-14 УК и аресты руководящих районных работников и специалистов, в то время как по большинству дел привлеченными были совершены либо должностные преступления, либо в их действиях отсутствовал вообще состав преступления.

За указанные извращения революционной законности — приказываю:

1. Основных виновников: зам. облпрокурора Мельникова, нач. следственного отдела облпрокуратуры Бородича, старшего следователя облпрокуратуры Анофрикова и прокурора г. Смоленска Гиль от работы отстранить.

2. Следователю по важнейшим делам Прокуратуры РСФСР тов. Воронову п[р]овести следствие в отношении указанных лиц, закончив расследование в декадный срок.

3. Вопрос об ответственности облпрокурора Терентьева оставить открытым до окончания следствия об указанных выше работниках Смоленской облпрокуратуры.

4. Начальнику отдела кадров Прокуратуры Союза т. Голованову вместе с зам. Прокурора РСФСР т. Волиным представить в 2-х дневный срок мне на утверждение кандидатуры для замены снятых с работы работников Смоленской облпрокуратуры»¹⁶¹.

---

¹⁶⁰ Приказ Прокурора Союза ССР А.Я. Вышинского № 187/7с. О мерах прекращения практики неправильного возбуждения дел о контрреволюционных преступлениях и неосновательных арестов. 25 февраля 1938 г. // ГАВО. Ф. Р-6466. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

¹⁶¹ Приказ Прокурора Союза ССР А.Я. Вышинского № 713/36с. О массовом безосновательном привлечении к ответственности по признакам ст.ст. 58-7-11-14 прокуратурой Смоленской области. 23 июня 1938 г. // Государственный архив Смоленской области. Ф. Р-3286. Оп. 1. Д. 3. Л. 69.

Еще один весьма примечательный приказ появился 31 октября 1938 года. Поводом к его изданию стали результаты проверки исполнения упомянутого нами ранее приказа прокурора СССР от 1 июня 1938 года № 574/25с.¹⁶² Результаты оказались неудовлетворительными, и Вышинский открыто и довольно резко сообщил об этом, указав назначенные меры ответственности для должностных лиц, нарушивших служебную дисциплину. Проверка исполнения приказа прокурора СССР от 1 июня 1938 года № 574/25с проводилась в прокуратурах Ивановской, Иркутской, Новосибирской, Свердловской, Рязанской, Харьковской, Одесской, Полтавской областей, Краснодарского края, Дагестанской и Чувашской АССР и в Белоруссии. Было установлено, что в большинстве указанных прокуратур перестройка работы шла крайне медленно и нерешительно, а в прокуратурах Новосибирской, Рязанской, Чувашской, Харьковской к выполнению приказа о перестройке по основным и решающим показателям даже не приступали.

Вышинский обратил особое внимание на соблюдение процессуальных норм во время следствия и сделал вывод о том, что «в области следственной работы продолжают иметь место необоснованное возбуждение уголовного преследования и необоснованные аресты, нетерпимая волокита в расследовании дел». А требование приказа от 1 июня 1938 года «о проверке в месячный срок всех следственных дел, находящихся в производстве у следователей, — указал он, — по ряду прокуратур выполнено не полностью, проверка в ряде прокуратур проведена формально, в некоторых случаях крайоблпрокуратуры эту проверку переложили на районных прокуроров, контроля за расследованием наиболее важных дел не установлено. Участие прокуроров в судебном разбирательстве уголовных дел совершенно ничтожно и измеряется одним-двумя выступлениями в среднем на прокурора в месяц»¹⁶³.

Вышинский был явно раздражен столь безответственным отношением работников прокуратуры к своим должностным обязанностям и к исполнению приказов прокурора СССР, и его возмущение отразилось в тексте нового приказа. «Неудовлетворительность выполнения приказа от 1/VI-1938 г., — заявил он, — в ряде случаев объясняется недооценкой политической важности этого приказа, как основы перестройки методов всей прокурорской работы,

---

¹⁶² См. сноску 153.

¹⁶³ Приказ Прокурора Союза ССР А.Я. Вышинского № 1629/89с от 31 октября 1938 г. // ГАВО. Ф. Р-6466. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

непринятием со стороны ряда прокуроров организационных мер, обеспечивающих точное исполнение приказа, отсутствием повседневного контроля за исполнением приказа со стороны республиканских, краевых и областных прокуроров и совершенно недостаточной помощью последних районным прокурорам, в особенности молодым работникам, влившимся в органы прокуратуры. В отдельных случаях имел место прямой саботаж исполнения приказа со стороны вражеских элементов (б. прокурор Новосибирской области Новиков, б. прокурор Ивановской обл. Карасик). Ряд бывших работников Одесской облпрокуратуры (Сокотун, Иванов, Богданов, Васильченко) за преступления по должности, грубейшие нарушения революционной законности и приказа от 1 VI-1938 г. мною преданы суду»¹⁶⁴.

Весьма интересным, но необычным на первый взгляд, был приказ А.Я. Вышинского по Прокуратуре Союза ССР, изданный 22 сентября 1938 года. Андрей Януарьевич обратил внимание на, казалось бы, малозначащий (особенно в условиях массовых репрессий и массовых нарушений законности) и чисто формальный аспект прокурорской деятельности. Но последние слова этого приказа раскрывают его глубокий смысл. Текст данного приказа заслуживает, чтобы привести его полностью.

«Как это видно из ряда проходящих через Прокуратуру Союза ССР документов, отдельные прокуроры в своих протестах и заключениях употребляют совершенно недопустимые выражения, свидетельствующие о том, что они до сих пор неправильно понимают свои взаимоотношения с судом. В документах, направляемых прокурорами в суд, нередко встречаются такие выражения, как “требую от суда”, “предлагаю суду” и т.д.

Обращая внимание на недопустимость подобного рода обращения к суду, приказываю: тщательно следить за тем, чтобы во всех документах, направляемых в суд, а также во всех выступлениях на суде не допускалось употребление подобного рода выражений, как не соответствующих ни достоинству советского суда, ни достоинству советской прокуратуры.

Помогая суду в его деятельности, борясь за последовательное проведение революционной законности в суде, давая суду по делам свои заключения, внося протесты, предоставляя суду свои ходатайства, прокурор обязан это делать в

---

¹⁶⁴ Там же. Л. 15об.

такой форме, которая не должна давать никаких оснований к колебанию судебного авторитета (ознакомить уч. прокуроров)»¹⁶⁵.

Период массовых репрессий 1936-1938 годов был самым страшным испытанием и для советского общества, и для советской государственности. Наша страна едва избежала новой гражданской войны, из которой если бы и выбралась, то стала бы легкой добычей для иностранных держав-стервятников.

Удержаться на краю пропасти и удержать страну от самоуничтожения Сталину и его соратникам помог человек, который не входил в круг высших советских руководителей, но занимал пост, оказавшийся во второй половине 1930-х годов в высшей степени значимым для советской государственности.

---

¹⁶⁵ Приказ А.Я. Вышинского по Прокуратуре Союза ССР № 1260/68с. О порядке правильного взаимоотношения прокуратуры с судом. 22 сентября 1938 г. // ГАВО. Ф. Р-6466. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.